

Станислав Далецкий

ВРЕМЯ ШАКАЛОВ

Москва 2014

Станислав Далецкий
Время шакалов

«Автор»

2013

Далецкий С. В.

Время шакалов / С. В. Далецкий — «Автор», 2013

Он поднял голову к небу и вдруг завыл по-волчьи: тоскливо и протяжно. Он опять остался один: без денег, без документов, лишился вещей, собранных в дорогу, но был свободен жив - огонь порвал всего его связи с этим домом, этим городом и этими людьми, которые хотели его убить, просто так - из развлечения. Прочь, прочь из этого города, который так и не стал ему родным и близким, в котором он бессмысленно прожил более 35 лет и который он покидает с радостью, сожалея лишь о своей загубленной жизни и каясь, что не сделал этого много лет назад, а все гнал и гнал за призрачной надеждой на обеспеченную и интересную жизнь. Но пусть, хоть остаток своей жизни, он проживет там, где и должен был прожить ее всю.

© Далецкий С. В., 2013

© Автор, 2013

ВРЕМЯ ШАКАЛОВ

Шакал: хищник семейства псовых, мелкая разновидность волка; (переносное) – низкий, подлый и жестокий человек

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

«По бескрайней заснеженной степи в предрассветных сумерках двигались две тени – это были антилопа и старый шакал. Антилопа сайгак, прихрамывая, ковыляла на юг, направляясь к горам, вершины которых виднелись в невероятной дали на фоне светлеющего неба. Антилопа отстала от стада из-за своей хромоты, когда на бегу попала ногой в нору суслика, повредила ногу и теперь медленно шла по следам стада, надеясь соединиться с ним у подножия гор на зимних пастбищах.

Антилопу сопровождал старый степной волк, именуемый людьми шакалом. Он встретил сайгака три дня назад, тоже отстав от своей стаи, которая бросила старого шакала на произвол судьбы, устремившись за стадом антилоп. У шакала не было сил броситься на антилопу, повалить её одним ударом и, вцепившись в горло, загрызть хромоту антилопу для своего спасения от голода. Шакал несколько раз пытался догнать сайгака, чтобы вгрызся ему в горло, но хромота антилопы умело увертывалась от одряхлевшего хищника. Так они и двигались по степи рядом уже три дня: шакал заметно ослабел и сопровождал антилопу без всякой надежды на успех.

Вдруг сайгак споткнулся и упал, в очередной раз, попав хромотой ногой в рытвину, скрытую под снегом. Шакал из последних сил бросился к антилопе и, сомкнув челюсти на её шее, рывком разорвал горло. Горячая кровь толчками полилась в пасть шакала, наполняя дряхлое тело живительной силой, а сайгак забился в смертных судорогах...».

Сонное видение исчезло, и Михаил Ефимович Рзавец проснулся ранним утром от возбужденного чириканья воробьёв на крыше своего временного летнего жилища. Этим жильём являлся угол чердака старого, ещё царской постройки, трехэтажного краснокирпичного дома на территории заброшенной парфюмерной фабрики на окраине Москвы.

– Снова приснился старый шакал: к чему бы это? – вздохнул Михаил Ефимович и, тяжело привстав с самодельного тюфяка, выглянул в слуховое чердачное окно. Стайка воробьёв отбила кусок белого хлеба у одинокого голубя и жадно расклеивала этот кусок, перебрасывая его друг другу при попытках голубя снова завладеть своей добычей.

– Всё как у людей, – подумал Михаил Ефимович, – одному не справиться против сплоченной стаи, даже если каждый из них в отдельности значительно слабее тебя.

Он снова опустил голову под шум и гвалт птиц на крыше, бьющихся за кусок хлеба, и огляделся. Полумрак чердака слабо освещался утренним светом через мутные стекла маленького слухового окна, ведущего с чердака наверх крыши из листового железа, покрашенного суриком.

Обрешетка чердака в два слоя досок: горбылем и обрезной доской с плотной зашивкой карнизов, создавала спокойствие, без сквозняков, воздуха, пропитанного сухим запахом голубиного помёта, толстым слоем, вперемежку с остатками гнезд из сухой травы, покрывающего весь чердак.

По-видимому, голуби издавна гнездились здесь, покрыв весь чердак отходами своей голубиной жизни, но теперь только помёт напоминал о многих поколениях голубей, живших на чердаке до появления Михаила Ефимовича. Одинокий голубь на крыше, бьющийся с воробьями за кусок хлеба, был представителем другой стаи и, вероятно, случайно залетел на этот пустырь, или, может, был болен и здесь решил закончить свою жизнь: с воробьями он дрался как-то без напора и страсти, присущих здоровой птице этого племени.

Шум и гвалт воробьёв на крыше прекратился – они доклевали хлеб и улетели. В наступившей тишине слышалось только слабое царапание голубиных коготков о железо крыши: голубь остался в одиночестве и осторожно прогуливался по карнизу, наверное, возмущаясь жадности воробьиной стаи, отнявшей его законную добычу с мусорной свалки, и от этого изредка воркуя.

– Ворону бы напустить на этих воробьёв – это вам не одинокий голубь, может и заклевать воробья, – подумал Михаил Ефимович, продолжая осмотр своей обители.

Справа от лежака, в ногах, у самого ската крыши стояли три большие, картонные коробки из-под бытовой техники, которые он подобрал в мусорном контейнере около вновь построенного высотного жилого дома, огороженного решетчатым железным забором.

В этих коробках находилось имущество Михаила Ефимовича и нехитрые припасы еды на чёрный день. Две банки консервов кильки в томате и три упаковки лапши «Доширак»: всё это он приобрёл неподалеку на рынке, по случаю неожиданного получения сто рублей от водителя авто, который сбил его на переходе к рынку, проезжая на красный свет. Михаил тогда упал, задев за машину, но не ушибся и не считал себя пострадавшим, однако водитель, выскочив из дорогой машины и убедившись, что машина не поцарапана, сунул ему эту сотню в руку и поспешно уехал.

– Есть все же порядочные люди и среди обеспеченных, – именно на таких, – как считал Михаил Ефимович, – и зиждется демократическое общество равных возможностей, установившееся в России после победы над тоталитаризмом Советской власти. Ведь хозяин дорогой машины мог просто переехать через него, и ехать дальше по своим делам, куда так торопился, не обращая внимания на светофоры, но он остановился, вышел и дал денег сбитому человеку, – размышлял Михаил Ефимович, продолжая осматривать свой чердак.

В коробке с едой лежали ещё два зачерствевших батона хлеба, подобранных в мусорном контейнере всё у того же нового дома с зажиточными обитателями. Теперь стало принятым: бытовой мусор из квартиры не спускать в мусоропроводы, конечно, имеющиеся в новых домах, а упаковывать мусор в пластиковые пакеты и выбрасывать их в контейнеры около дома. Так жильцы избавлялись не только от мусора, но и от крыс и тараканов, плодящихся в мусоропроводах.

Отходы людской жизни, упакованные в пакеты, были удобны для сортировки обитателями городских трущоб, каким стал и Михаил Ефимович: чистый снаружи пакет, можно было взять в руки, внимательно рассмотреть содержимое на свет и, если там нет ничего нужного и полезного, то не распаковывая, аккуратно перебросить этот пакет в соседний контейнер, чтобы не мусорить, и не раздражать проходящих мимо жильцов. Если же в пакете виднелось что-то привлекательное, то этот пакет подвергался более тщательному досмотру: нужное и полезное извлекалось из него, а остальное, также аккуратно, перекидывалось вслед за ненужным мусором.

Таким образом, легко и просто, без грязи и запахов, за полчаса можно было исследовать содержимое полного мусорного контейнера и спокойно, с достоинством, покинуть мусорку, унося добытые вещи и провиант в таких же пластиковых пакетах.

В коробке с едой лежало ещё полбанки домашнего варенья – старого и засахаренного, а также, полпачки сливочного масла, которое было куплено кем-то и выброшено хозяйкой из-за непонятного вкуса и качества.

В двух других картонных коробках находилось летнее имущество Михалыча – так называли Михаила Ефимовича коллеги по мусоркам в редкие минуты совместной работы по сортировке содержимого контейнеров у домов, видневшихся из слухового чердачного окна в километре отсюда: за пустырем, зарослями ивняка, железной дорогой и переплетением опор линий электропередач разбегающихся в разных направлениях.

Имущество, в виде одежды и обуви, доставалось Михалычу сравнительно легко: весной и осенью жильцы новых домов выбрасывали вещи и обувь целыми мешками, которые обычно ставили рядом с контейнером, и не было нужды рыться и сортировать пакеты – знай только внимай вещи из мешков и подбирай под себя: всего-то и дел.

Осени Михалыч ещё не застал, как новичок, но весной вполне успешно пополнил свой гардероб. Одеться и обуться, можно было вполне прилично, главное – оказаться первым у контейнера, где прислонен мешок. Обычно, вещи выкидывались жильцами в выходные дни – тогда и коллеги Михалыча подтягивались к контейнерам и вещи делились вполне пристойно, без скандалов и драк, потому что хватало всем.

Рядом с имуществом располагалась хозяйственная утварь Михаила Ефимовича: одноразовая посуда из пластика, нож с подломленной рукояткой, несколько кусков мыла, безопасные бритвы «Жиллет», электрический чайник и пара кастрюль без крышек – всё это было добыто тоже из мусорных контейнеров. Здесь же стоял и пятилитровый баллон с чистой водой для питья.

В углу, на листе пластика валялись кое-какие предметы не нужного назначения: никелированная полоска стали, очешник с темными очками, сувенирные знаки с видами зарубежных курортов на магнетиках, какие-то пластиковые фигурки, брелок для ключей и прочий хлам. Вещи не нужные, но ярких цветов, радуют глаз и создают уют даже в сумраке чердачной жизни.

Справа и слева от тюфяка стоят стопки книг, перевязанных бечевкой, а над ними висят два костюма с рубашками и галстуками, подвешенные на вешалках, закрепленных за гвозди, торчащие из обрешетки крыши.

Эти костюмы, вполне приличного вида, но несколько большего, чем нужно для Михаила Ефимовича, размера он обменял у мусорного коллеги на две банки кильки в томате. Кильки приобретались им регулярно, по наличию денег: дешево, питательно и навеивает воспоминания о студенческой жизни в общежитии. Вот и в тот день он опоздал к сортировке мусорных контейнеров, поскольку зашел в магазин за этими кильками, а когда подошел к мусорке, то увидел, как неизвестный ему бродяга сворачивает эти костюмы, добытые из мешка, прислоненного к контейнеру.

Михаилу Ефимовичу показалось, на глаз, что костюмы его размера, и он попросил примерить вещи, в чём ему было отказано.

– Хочешь, бери, но дай что-нибудь взамен, я костюмы не ношу, а мерить не дам – здесь тебе не примерочная, не ателье или салон, – отвечивал бродяга. Тут-то Михаил Ефимович и предложил бродяге две банки кильки, которые и были приняты в обмен на костюмы. Два костюма, почти новые, но чуть великоватые – это была удача дня.

Костюмы нужны были ему для работы, которая заключалась в продаже книг – тех самых, что стояли стопками в изголовье. Книги были основным источником и средством существования Михаила Ефимовича в его нынешней непростой житейской ситуации.

Как уже сказано, с одеждой у него проблем не было, с жильём Михаил Ефимович временно устроился на чердаке, а вот с едой были проблемы. Обьедки в мусоре вызывали брезгливость и, как правило, были испорчены, а чтобы купить еды – нужны деньги, которые тоже надо как-то приобрести или заработать. И Михаила Ефимовича, ещё в самом начале его нынешней бездомной жизни, осенила идея торговать книгами, которые частенько выбрасывались жильцами при ремонтах или переездах в новые купленные квартиры.

Однажды, увидев у контейнера стопку книг, Михаил Ефимович стал их перебирать и обнаружил много популярных и читабельных книг: как новых, так и издания прошлых, ещё советских, лет. Он тогда собрал и увязал в стопки найденные книги, принес их на людную остановку автобусов – троллейбусов и разложил книги на тротуаре на расстеленный, предвзвительно, рулон полиэтиленовой пленки.

Люди, ожидая транспорта, разглядывали книги и, вскоре, объявился первый покупатель. Михаил Ефимович наугад назвал цену в 50 рублей, и книга была продана, а на эти деньги можно купить еды на целый день. Так он стал продавцом книг и заметил, что если одет прилично – в костюме с галстуком, торговля идет лучше: вот для чего ему и понадобились те самые костюмы, что висели сейчас в изголовье его лежбища.

Правда, места торговли приходилось постоянно менять: два-три дня подряд на одном месте и жди милиционера с объяснениями о том, что ты здесь только в первый раз и больше торговать не будешь. Приходилось, иногда, расстаться с выручкой, перекочевывавшей в карман милиционера, чтобы не угодить в отделение милиции для выяснения причин и обстоятельств торговли без лицензии.

Своей свободой Михаил Ефимович весьма дорожил, даже в нынешней бездомной жизни. Он считал свободу личности высшим достижением российской власти и общества в целом.

Стопки книг заканчивались у ширмы, которую Михаил Ефимович соорудил из рекламной афиши, снятой рабочими с рекламного щита: они называли эту рекламу баннером. Ну, баннер, так баннер, а из плотной пленки этого баннера получилась вполне добротная ширма, отгородившая угол чердака от остального пространства, так что получился вполне приличный жилой уголок.

Как и большинство людей, Михаил Ефимович не мог спокойно уснуть на открытом пространстве – этот инстинкт сохранился, наверное, ещё от древних людей, которые жили в пещерах. На баннере был изображен добротный особняк на фоне леса и озера и надпись: «Элитный поселок Райские Кущи. 10 км от МКАД – купи и живи» и номер телефона продавца.

Содержание рекламы отвечало потребностям Михаила Ефимовича, но не соответствовало его возможностям. По справедливости, именно он и должен бы жить в таком особняке, учитывая его заслуги перед демократией, но не сложилось, и в итоге он имеет только этот чердачный уголок, самовольно занятый им у неизвестного владельца заброшенной парфюмерной фабрики. Впрочем, и это жилище надо считать большой удачей.

Закончив осмотр своего жилища, Михаил Ефимович решил вставать, чтобы отправиться в дальний угол чердака, где он устроил туалет из пластикового ведра, потом сполоснуть руки и лицо холодной водой из самодельного рукомойника, перекусить, и отправиться с книгами, добывать средства на хлеб насущный.

Вдруг по крыше гулко застучали капли дождя. – Всё! Выход в люди отменяется, – подумал он, – в дождь торговли не будет, да и книги могут подмокнуть. Надо переждать непогоду, даже в сталинских лагерях в дождь не работали.

Пройтись по ближайшим мусорным контейнерам в поисках выброшенных книг тоже не было резона: день будний, а книги обычно выносились жильцами в выходные дни, когда и совершались переезды, начинался или заканчивался ремонт квартир.

Именно тогда люди и решали, что много книг в квартире не нужно в современной жизни, книги увязывали в стопки или укладывали их в пакеты от продуктов из супермаркетов и выносили к контейнерам, где они и доставались Михаилу Ефимовичу, если он успевал забрать книги до утренней отгрузки мусора на свалки Подмоскovie.

Торопиться было некуда, и Михаил Ефимович снова задремал на своём тюфяке, укрывшись теплым пуховым одеялом, добытым там же, где и остальные вещи.

II

Надо бы сразу сказать, что Михаил Ефимович в данное время являлся бомжом: лицом без определенного места жительства. К какому классу относятся бомжи в нынешнем бесклассовом обществе России определить достаточно трудно, потому что никаких упоминаний о классах, как категориях людей, населяющих страну, нигде не встретить: ни в печати, ни по радио и телевидению, ни в речах руководителей.

Иногда, упоминается какой-то средний класс, который якобы обеспечивает стабильность существующего строя, но что это такое никто не знает: просто средний класс и всё. За попытки разделить людей на классы могут привлечь к ответственности за экстремизм – разжигание классовой розни. Поэтому, людей сейчас разделили по профессиям: бизнесмены, торговцы, менеджеры, охранники, и прочие бесполезные обществу паразиты и где здесь место для бомжей неизвестно – ведь бомж это бездомный образ жизни, когда неизвестны ни профессия, ни адрес места жительства человека.

С другой стороны, богатые и очень богатые нынешние россияне, имеющие несколько квартир и особняков, тоже являются лицами без определенного места жительства и вполне подпадают под определение бомжа – пойдешь, угадаешь, где сейчас находится Абрамович: на одной из своих яхт или в каком-то особняке, какой-то страны – натуральный бомж. Поэтому, сохраняя аббревиатуру бомж, более правильно понимать под ней человека без определенных занятий, не имеющего средств существования и, соответственно, не имеющего собственного или снимаемого жилья.

В советские времена, начиная с 60-х годов, бомжей, как социального явления не существовало вовсе. Взрослый человек не мог добровольно или принудительно лишиться жилья, ни при каких условиях – даже попадая в тюрьму по решению суда за совершенные преступления. При разводе супругов, жильё делилось между ними с учетом детей и, даже если пара с детьми проживала в одной комнате, то за одиноким супругом после развода сохранялось право проживания, конечно, если он не дебоширил.

Другое дело, как люди уживались между собой в коммунальной квартире, где в каждой комнате могло ютиться несколько человек, но всегда можно было съехать на съемное жильё, сохраняя за собой право проживания, а вот выселить человека на улицу было нельзя. Можно всегда найти работу с предоставлением общежития – безработицы в стране – СССР не было.

Жильё, полученное бесплатно от государства, нельзя было продать никаким способом – можно только обменять, даже на другой город, хотя собственный дом или купленную квартиру можно было и продать, не ущемляя интересов детей

Конечно, отдельные люди, по слабости характера или с нарушенной психикой и тогда спивались или бросали работу и подавались бродяжничать, но такое поведение быстро пресекалось и властями и обществом.

Алкоголиков принудительно помещали в ЛТП – лечебно – трудовые профилактории, где их лечили и принуждали к труду: результат не всегда бывал положительный, но по улицам они не бродили, в подвалах и по чердакам не жили.

Бродяг тоже отлавливали и наказывали за бродяжничество или тунеядство – т.е. уклонение от работы более трёх месяцев подряд: штрафом, принудительными работами по месту жительства или ссылкой на поселение с обязательным трудом, а в редких случаях давался срок отбывания в лагерях. И всё это делалось по суду: скорому, но не всегда справедливому.

Опустившемуся человеку всегда давался шанс наладить свою жизнь, получить работу и какое-никакое жильё. Как пелось в популярной песне 40-х годов: «Нынче всякий труд почетен, где какой ни есть – человеку по работе воздается честь», и это были не пустые слова, а направленная политика государства.

Некоторые, бродяги по призванию, даже в тех условиях умудрялись вести кочевой образ жизни, но и они вынуждены были, время от времени устраиваться на работу, чтобы немного подзаработать, прежде чем пуститься в очередное странствие. Таких называли «бичами». Да и бродяжничать по призванию, в стране-СССР, можно было только летом: зимой в морозы далеко не уедешь и в теплых подвалах не спрячешься – Россия по климату это не Франция и не Америка.

Единственное кочевое племя тех времен – это цыгане, но как они кочевали, где и на что жили, кроме мелкого воровства, гаданий и попрошайничества – Михаилу Ефимовичу было неизвестно и неинтересно. Так было при тоталитарном советском строе – в социализме.

Потом, борцы за демократию, к которым принадлежал и Михаил Ефимович, разрушили ненавистный им советский строй всеобщего равноправия и обязательного труда для всех здоровых взрослых людей, разрушив, заодно, и саму страну и наступили времена свободной демократии и всеобщих рыночных отношений.

Обязательный труд сразу же был отменен, как и ответственность государства за обеспечение права людей на оплачиваемый труд – всё стало продаваться и покупаться, в том числе и жильё. Дорогие россияне, как говорил отец российской демократии Ельцин Борис Николаевич, в просторечии – «Беспалый», поскольку у него не хватало пальцев на левой руке, получили возможность продавать вполне благоустроенное жильё и уходить жить куда угодно: на улицу, в подвалы и чердаки – хоть в лес или на тот свет – это собственный выбор свободных людей.

Тут же появилось множество мошенников и уголовников, помогающих гражданам избавиться от жилья и от денег за это жильё. Вот такие обманутые, вольно или невольно, люди и составили общность граждан, называемых бомжами, которая состоит из двух групп: скрытые и уличные бомжи.

Скрытые бомжи не имеют собственного жилья, но имеют работу, которая обеспечивает им возможность снимать в наем платное жильё или же проживают вместе с собственником жилья, находясь с ним в родственных или дружеских отношениях. Например, бывший мэр Москвы Лужков, постоянно твердил, что у него нет собственной квартиры в Москве, и он проживает на служебной квартире или у своей жены – миллиардерши. Он скрытый бомж.

Уличные бомжи не имеют ни собственного жилья, ни работы, позволяющей снимать жильё, ни родственников у которых можно бесплатно пожить. Их кров: небо голубое или хмурое и всякие закутки для ночлега, как у Михаила Ефимовича.

Он стал вспоминать свой жизненный путь, пытаясь снова и снова разобраться: как такой борец за демократию, как он, оказался на чердаке заброшенного дома и считает, что ему ещё повезло.

III

Михаил Ефимович родился и вырос в небольшом поселке на Кубани, вдали от центра, куда его родители переехали с Урала в начале 50-ых годов двадцатого века. Как говорил его отец, переехать предложила сестра матери Миши, оставшаяся одинокой после войны – в чудом уцелевшем доме родителей мужа, погибших, как и её муж, во время войны. Немалую роль в переезде родителей сыграл и фильм «Кубанские казаки», где показывалась счастливая жизнь на Кубани после войны.

Действительность оказалась не такой радужной, как в кино, но климат здесь значительно лучше уральского и жизнь родителей наладилась вполне приличная для тех лет.

Его отец и мать из-за войны не смогли получить образование, а потом уже и не стремились к нему. Отец работал шофером на местной автобазе и целыми днями был в разъездах, а мать, окончив какие-то курсы, стала работать бухгалтером в местном промкомбинате, который обеспечивал быт сельчан и выпускал простые потребительские товары и продукты.

Первое время родители жили у сестры матери, но через два года у них родился сын – Михаил Ефимович, единственный ребенок, и родители получили от автобазы двухкомнатную квартиру в домике на две семьи, но с отдельным входом и небольшим участком земли, который засадили плодовыми деревьями и вполне обеспечивали себя фруктами и овощами.

Мать, оставив работу по уходу за ребенком, несколько лет была домохозяйкой, о чём потом неоднократно сожалела, но тогда шоферской зарплаты отца вполне хватало на семью из трёх человек и они жили безбедно, как и их соседи по дому, по улице и в поселке.

До четырех лет Миша растился дома, а мать хлопотала по хозяйству: стирала, готовила еду, работала летом в огороде, где сажала и выращивала овощи и картошку в благодатном кубанском климате и выполняла ещё множество домашних дел сельской женщины пятидесятих годов прошлого века.

Не всегда ей удавалось присесть и отдохнуть, а Миша возился с игрушками: на полу в комнате зимой или летом во дворе у сарайчика, где родители огораживали ему загончик, и стелили там старое покрывало с кровати, на котором он и занимался своими игрушками. Игрушки эти, в основном, машинки из жести или дерева, привозил отец из своих рейсов по району, но иногда и из Краснодара, если его посылали туда за грузом.

В сарайчике возился и похрюкивал поросенок, которого брали весной на откорм в совхозе. К поросенку давался центнер комбикормов, часть кормов привозил отец, прихватывая их по дороге из рейсов, к ним добавлялась картошка с огорода и поздней осенью откормленная свинья в 6-8 пудов весом, сдавалась назад в совхоз. Родителям выдавалось мясо этой или другой туши свиньи из расчета половины от веса сданной живой свиньи.

Во дворе бродили летом с десятков кур, которые поклевывали всяких жучков-червячков, траву с сада-огорода и остатки еды с хозяйского стола. Куры неслись на соломе, в сарайчике, у входа, и мать каждый день собирала там три-четыре яйца, свежих и теплых и частенько кормила Мишу по утрам омлетом.

Отец уходил на работу рано утром, а возвращался, обычно, поздно вечером, иногда на своей машине ГАЗ, чтобы завтра утром, не заходя на базу, отправиться в рейс. Изредка он приходил и на обед, если ремонтировал машину или проезжал мимо из рейса.

В субботу отец возвращался с работы часа в три дня, обедал, переодевался и отправлялся в поселковую баню – это был его банный день. Иногда он брал с собой и Мишу, если не было ветра и холода.

К их приходу, в бане, в общем входном зале, толпились мужчины и женщины, занимая очередь для входа в банные отделения: мужское и женское. Прождав с час, отец и сын попадали в раздевалку мужского отделения бани, где стояли скамейки и шкафчики для одежды. Отец раздевался сам, раздевал Мишу, доставал свой веник, брал оцинкованный тазик, стоявший наверху шкафчика, с нарисованным номером, что и на шкафе, брал у входа в мыльную ещё один тазик без номера – для Миши, и они входили в саму баню.

Это было большое помещение с каменными лавками на железных ножках, на этих лавках сидели голые мужики и стояли тазики с водой, которая набиралась здесь же из кранов, торчащих из стены.

Отец находил свободную лавку, ополаскивал её горячей водой, чтобы смыть остатки мыла и листья от веников предыдущих посетителей, наливал теплой воды в тазики и начинал мыть Мишу. В обычные дни мать мыла его дома в оцинкованной ванночке, которая ставилась на пол в кухне, но ванночка небольшая, не поплещешься, да и мать ругалась, если Миша разливал воду, а здесь в бане, можно было плескаться в своё удовольствие, и никто не ругался.

Помыв Мишу, отец наливал ему тазик с теплой водой, в которой он и начинал плескаться, а отец, тем временем, мылился сам мыльной мочалкой, потом смывал мыльную пену, обливался теплой водой, потом запаривал веник в кипятке и, подождав немного, брал веник и шёл в парную, наказав Мише не вставать с лавки.

Дверь в парную открывалась, и отец исчезал в клубах пара. Отец как-то взял в парную и Мишу, но там было очень жарко, из трубы вверх с рычанием вырывался пар, мужики хлестали себя и друг друга вениками, словно дрались, Миша испугался, заплакал и отец больше его с собой в парную не брал.

Из парной отец возвращался красный и горячий, покрытый прилипшими листьями от веника, обливался холодной водой из тазика, потом, немного посидев и сменив воду в тазике

у Миши, снова уходил в парную. Вернувшись, он отдыхал, прополаскивал веник, собирал мочалки и мыло и они отправлялись в раздевалку: вытираться и одеваться.

Отец ставил тазик наверху шкафчика, тогда банщик открывал шкафчик большим ключом, висевшим у него на цепочке у пояса. Отец обтирал Мишу досуха, одевал, но не до конца, чтобы он не вспотел, потом вытирался и одевался сам, укутывал Мишу, и они выходили в зал ожидания и отдыха.

Там в углу стоял буфет, в котором продавался лимонад, пиво, конфеты и пряники. Отец брал себе кружку пива, Мише стакан лимонада и леденец на палочке, они садились на скамейку и отдыхали после бани, попивая свои напитки.

Закончив, покидали баню, направляясь к своему дому – не спеша, если было тепло и тихо; по-быстрее, если к вечеру похолодало или поднялся ветерок: тогда отец брал Мишу на руки и торопился к дому, хотя идти было недалеко – всего с полкилометра пути.

Вернувшись домой, они ожидали мать, которая следом за ними тоже уходила в баню, а иногда, они вместе уходили и вместе возвращались из бани.

Мать быстро собирала ужин, они садились за стол, кормили Мишу, отец выпивал стакан водки и мать принимала пару рюмок, они ужинали и укладывали Мишу спать, вынося его кроватку из спальни в комнату. Миша быстро засыпал, и родители уходили в спальню.

Однажды, в такой банный день, Миша проснулся отчего-то. За окном было темно, а из спальни доносились стоны матери. Миша вылез из своей кроватки, пошел к спальне и открыл дверь.

В комнате тускло светил ночник. Отец подмял мать под себя и как бы душил её, а мать стонала и тихонько вскрикивала, как будто прося о помощи. Миша испугался, заплакал и закричал: это были его родители, и он не понимал, почему они так дерутся.

Мать тут же вскочила, нагая подбежала к нему и стала успокаивать ребенка, виновато поглядывая на отца. Мишу с трудом удалось успокоить и снова уложить спать, но с тех пор он уже постоянно спал в другой комнате, отдельно от родителей, а дверь в спальню всегда закрывалась на задвижку, которую привинтил отец.

Тем не менее, больше детей у его родителей не появилось, и Миша рос единственным ребенком, что в те времена было большой редкостью.

Летом, по воскресеньям, отец выводил свой мотоцикл с коляской из сарайчика, мать садилась в люльку, брала Мишу на колени, и отец вёз их к ближайшему пруду, в километре от поселка.

Этот пруд образовался на месте оврага, который перегородили земляной дамбой, за которой скопилась вода. Берега пруда заросли ветлами, здесь было тихо и безлюдно. Мать стелила скатерть, доставала из корзины еду, и вся семья спокойно проводила несколько часов у воды. Родители сидели или лежали под деревьями, а Миша носился вдоль берега, гоня бабочек и стрекоз или кидая камешки в пруд, но в воду не заходил – родители не велели, а он приучился слушаться их и не капризничать.

Однажды, он с отцом был в сельском магазине и, увидев паровозик с рельсами, попросил купить игрушку, но отец ему отказал. Тогда Миша устроил плач и рёв, отец увёл его домой и там раза три стегнул Мишу своим солдатским ремнем, оставшимся после службы в армии. Этого было достаточно, чтобы Миша понял, что родителей лучше слушаться и просить, чем самовольничать и требовать, потому что, позже, успокоившись, отец купил ему этот паровозик.

Так Миша потом и поступал в жизни: преклонялся перед старшими, к которым относились все его начальники и просто люди, от которых он зависел или хотел добиться чего-нибудь.

К вечеру они возвращались домой с пруда, ложились спать и, засыпая, Миша иногда слышал из спальни уже привычные стоны матери, но не пугался: ничего плохого для него между родителями не происходило – это такая их взрослая жизнь.

IV

В четыре года Мишу отдали в детский сад, и мать снова пошла работать на прежнее место бухгалтером. Детский сад и детский дом – эти названия появились при советской власти и обозначали детские воспитательные учреждения для детей от трёх до семи лет из семьи; и детей без семьи – до их совершеннолетия.

В царской России подобные учреждения именовались пансионом и приютом или сиротским домом. В доме дети живут, в саду – расцветают, в приюте – ютятся, в пансионе – кормятся: в этом и заключалось разное отношение к детям при царизме и при советской власти.

Дома Миша был предоставлен сам себе, пока мать хлопотала по хозяйству. Выходы из дома в поселок бывали редки, детей его возраста по соседству не было, поэтому не было и опыта общения со сверстниками и в детском саду он поначалу дичился и не мог привыкнуть к жизни по распорядку, который заключался в следующем.

Утром мать приводила его в садик, раздевала и переобувала и отправляла в группу, несмотря на его насупленный и понурый вид. В группе его встречала воспитательница и усаживала за столик, пока все дети не соберутся.

Дождавшись положенного времени, воспитательница командовала детям идти мыть руки к завтраку. Ребятишки гурьбой бежали в комнату, где на стене висели рукомойники, под ними тянулся жестяной желоб, куда стекала вода после умывания, перетекая потом в большое помойное ведро, которое быстро наполнялось.

Приходила нянечка и меняла это полное ведро на пустое, стоявшее рядом, а полное ведро выносила во двор и выливала воду в выгребную яму, располагавшуюся в углу заднего двора садика.

Вымыв руки, дети возвращались в общую комнату, где на столиках уже стояли тарелки с кашей, рядом с тарелкой лежал кусок хлеба с маслом, и стояла кружка с чаем. Это был обычный завтрак в детсаду, менялась только каша в тарелке: манная, перловая, гречневая или рисовая, овсяная, ячневая или пшенная, а то и вовсе неизвестного названия.

Перед завтраком няня обносила всех детей рыбьим жиром, который она наливала из бутылки в ложку и давала каждому ребенку выпить из этой ложки. Иногда, если в группу заходил кто-то посторонний, нянечка наливала рыбий жир каждому ребенку в его ложку, лежащую рядом с тарелкой каши, и ждала, чтобы ребенок выпил и проглотил этот противный рыбий жир. Миша выпивал свою ложку рыбьего жира безропотно – старших надо слушаться.

После завтрака, воспитательница Мария Николаевна, рассаживала детей на стульчиках вдоль стенки и читала им сказки, пока нянечка – тётя Нина, убирала посуду со столиков. Потом все одевались и выходили гулять на участок возле садика или сидели на веранде – если шёл дождь.

Ребятишки бегали друг за другом, ловили жучков и бабочек или нюхали цветы, которые росли на клумбах вдоль забора, отгораживающего детский мир садика от улицы взрослых людей. Миша тоже играл, как и все, но только если его звали, а поймав бабочку он, иногда, отрывал ей ножки, сажал снова на цветок и смотрел, как она пытается улететь, но не может.

Вернувшись с прогулки, дети играли игрушками, которые были сложены в большой ящик в углу комнаты. Чтобы взять ту игрушку, что хочется, надо было быстро раздеться и переобуться и первому подбежать к этому ящику и выбрать свою игрушку. Там лежали жестяные машинки, пирамидки, кубики, куклы, деревянные паровозики с вагончиками, плюшевые мишки и собачки и ещё какие-то зверушки непонятного вида.

Расхватав игрушки, дети разбивались на стайки и, объединив игрушки, затевали коллективные игры, а Миша обычно катал по комнате машинку, если она ему доставалась, и изображал из себя шофера, как и его папа.

Наступало время обеда. Дети снова шли в умывальник и мыли руки, а нянечка расставляла тарелки на столах и наливала в них суп, щи или борщ и снова давала по куску белого хлеба.

Надо было съесть первое и тогда, в опустевшую тарелку ложилась котлета или кусок омлета с картошкой, или макаронами и рядом ставился стакан компота. Всё это съедалось без напоминаний, и воспитательница вела детей в туалетную комнату и рассаживала всех на белые эмалированные горшки, стоявшие там вдоль стен.

Сделав дело, дети вставали, приходила няня и вытирала им попки мокрым полотенцем, а воспитательница уводила детей обратно в комнату, где уже стояли кровати в виде раскладных козлов, с натянутой на раму парусиной, поверх которой лежали матрац с простыней, подушкой и одеялом – всё это успевала расставить няня.

Дети раздевались и ложились спать: наступал тихий час дневного сна. Если кому – то спать не хотелось, то можно было просто лежать, но разговаривать нельзя – за этим следила Мария Николаевна, которая садилась в углу комнаты на стул и читала какую-то свою книгу.

Няня, тем временем, сливала отходы детской жизни из горшков в ведро, выносила это ведро во двор и сливала нечистоты всё в ту же выгребную яму: никакой канализации в поселке не было.

Был недавно построенный водопровод, две нитки которого закопали вдоль улиц поселка, поставив водоразборные колонки на перекрестках, так что за водой можно было пройти не больше квартала.

За нечистотами детсада один раз в неделю приезжал золотарь на телеге, которую тянула пегая лошаденка. В телеге стояли две железные бочки. Золотарь – неопрятный мужичонка с всклокоченной седой бородёнкой, подгонял телегу из проулка к выгребной яме, открывал дощатую крышку и большим черпаком на длинной деревянной ручке переливал содержимое ямы в бочки на телеге, под взглядами детей, смотревших из окон.

Опорожнив яму, он закрывал её и уезжал со своим грузом на край поселка, где сливал содержимое бочек в овраг, выполняющий роль полей орошения. С той поры, Миша, когда ему бывало трудно в жизни, всегда вспоминал этого золотаря, как пример падения человека, что иногда помогало ему преодолевать житейские трудности, однако, он никогда не предполагал, что окажется совсем рядом с этим золотарем по образу и способу существования.

Детский сад был таким же насыпным домом, как и тот, где жил Миша, только побольше. Групп в нём было три, у каждой группы всего одна комната, где дети ели, играли и спали, а для подвижных игр был общий зал, куда группы детей ходили по очереди.

После дневного сна дети одевались, снова играли в комнате, потом был полдник из стакана молока с хлебом, затем прогулка на участке, откуда детей и забирали родители, возвращаясь с работы.

Мишу обычно забирала мама, но иногда подъезжал отец на своём грузовике, сажал сына в кабину рядом с собой и они подъезжали к своему дому, где отец и оставлял грузовик на ночь, чтобы завтра с утра отправиться в рейс прямо из дома.

Миша очень гордился, когда уезжал из садика вместе с отцом на автомобиле: мало кого из детей увозили на автомобиле – личных легковых авто тогда на весь поселок было два или три, а на мотоциклах, которых было уже достаточно, совсем не то – нет кабины!

Постепенно Миша привык к посещению детсада и воспринимал это как желание родителей, которое надо выполнять. Таких детсадов на весь поселок было два, и большинство детей оставались дома, где, при работающих родителях, за ними присматривали бабушки или старшие дети, пусть даже семи – восьми лет.

Преступности в отношении детей тогда не было и никому в голову не могло прийти, что чужие взрослые ворвутся в дом, узнав, что дети остались одни. Иногда и соседские бабушки брали детей под присмотр совершенно бескорыстно.

Месяца через три, воспитательница Мария Николаевна, присмотревшись к тихому и покладистому мальчику, который безропотно выполнял все её команды, стала поручать Мише роль старшего по группе, если ей надо было ненадолго отлучиться.

Обычно она говорила так: – Дети, сейчас я выйду на минутку, вы сидите смирно за столиками и играйте своими игрушками, а Миша потом расскажет мне, кто здесь баловался в моё отсутствие, – и уходила. Миша очень гордился поручением воспитательницы и по её возвращению добросовестно и подробно рассказывал, кто и как себя вёл, примерно так: – Мария Николаевна, а Лена Осипова без вас плевалась на Костю Мурзенко, а Костя Мурзенко сказал ей плохое слово «сука». Витя Грач снял штаны и побежал босиком в туалет, а Оксана и Оля отнимали друг у друга куклу и оторвали ей руку.

Воспитательница хвалила Мишу и делала замечания непослушным, а иногда и наказывала провинившихся, ставя их в угол, и Миша знал, что это по его словам наказали детей – вот что значит доверие взрослых.

Постепенно он стал считать себя ответственным за порядок в группе и докладывал воспитательнице обо всех шалостях детей, даже когда его и не просили. Дети знали, что Миша всё расскажет о них воспитательнице и называли его ябедой. Мальчики, иногда, пинали его сзади, исподтишка, на прогулке, а девочки просто толкали в грязь, если прогулка была после дождя, но Миша не обижался и с ещё большим усердием служил воспитательнице, будучи её глазами и ушами в группе.

Дома Миша рос тихим и послушным мальчиком, настолько послушным, что отец иногда вспыхивал: – Пусть бы что-нибудь сломал или набедакурил, а то не поймешь – есть в доме ребенок или нет!

На что мать неизменно отвечала: – Вот и хорошо, что тихий – не будет хулиганом, когда подрастёт, и не будет попадать в плохие истории и связываться с плохими людьми.

Впрочем, отца Миша видел изредка, в выходной день и то не всегда: такова жизнь сельского шофера – сегодня здесь, а завтра там, в постоянных разъездах по краю. Осенью в уборочную страду, отец вообще жил в совхозе, куда его направляли с грузовиком в помощь. По окончании уборочной дома, он грузился в товарняк и поездом уезжал в Сибирь или Казахстан на уборку их урожая.

Мать Миши была женщина болезненная от рождения и от голодных военных лет, прошедших на её детские годы и ребенком занималась мало: одеть и накормить – все материнские заботы, поэтому характер Миши формировался в детсаду, где с помощью воспитательницы он осваивал азы доносительства и подхалимажа – и осваивал вполне успешно.

Будучи дома предоставленным сам себе, он листал детские книжки с картинками, играл машинками, изображая себя шофером, как отец, или слушал детские передачи по радио, а с пяти лет уже ставил и слушал детские пластинки на радиоле, которую купили родители и поставили в углу комнаты, где играл и спал Миша.

Иногда, когда мать ненадолго выходила из дома по своим делам, Миша подносил стул к буфету, стоявшему в комнате, залезал на стул, открывал верхнюю дверцу буфета, дотягивался до полотняного мешочка, где лежали шоколадные конфеты, брал две конфеты, закрывал буфет, отодвигал стул на место и торопливо съедал конфеты в своём углу – пока не вернулась мать.

Конфеты были дома всегда, но только карамельки, а шоколадные конфеты покупала мать в дни зарплаты или привозил отец из своих поездок. Мать ставила эти конфеты по выходным дням на стол, когда все вместе пили чай, но Мише хотелось отведать их мягкой сладости всегда – вот и приходилось брать их украдкой, когда отца и матери не было дома. Родители может и замечали, что конфет становилось меньше, но ничего не говорили ему: ведь он брал понемногу и не каждый день, а прямого запрета на конфеты ему никто не давал.

Примерно в таких деяниях Миши дома и в детсаду незаметно прошли три года и в сентябре, семи лет от роду, он пошел в школу, так и не обретя друзей ни в саду, ни по соседству и его смиренность перешла в робость и застенчивость перед незнакомыми ему ровесниками и взрослыми людьми.

V

Миша пошел в школу, которая находилась неподалеку от его дома на соседней улице и располагалась в старом двухэтажном здании, где раньше была купеческая лавка, а на втором этаже жил сам купец с семьёй.

Школа была начальная и классов в ней всего четыре – по одному на каждый год обучения. В его классе оказались почти все дети из их детсадовской группы и несколько детей из окрестных домов, которые не ходили в детсад. В саду детей обучили чтению по слогам и счету до десяти, а в школе всё начиналось заново, чтобы и другие, кто этого не умел, могли обучиться чтению и счету. Учились дети шесть дней в неделю по четыре урока в день, так что времени свободного оставалось много.

После уроков, Миша один возвращался домой, разогревал еду на газовой плите, которую недавно установили родители на кухне, в углу которой теперь стоял большой красный баллон с газом.

Сельский мальчик в семь лет это уже вполне самостоятельный человек, способный накормить себя той едой, что оставили ему родители – проблем здесь не было.

Проблемы появились у Миши в школе и в классе. Детсадовские одноклассники помнили его доносительство там и опасались того же в школе, а потому стали настраивать всех остальных против Миши. Он попробовал искать защиты у классной учительницы Нины Ивановны, пожаловался на ребят и одновременно доложил ей, что двое ребят курили в туалете папиросы, просто пуская дым. Учительница неодобрительно выслушала его и сказала, что доносить на других нехорошо, так делали предатели, во время войны с фашистами и у неё из-за этих предателей погибла мать. Надо дружить с ребятами и в его доносах она не нуждается.

Потом Нина Ивановна так и сказала перед всем классом: – Вы теперь уже не дети, а ученики в школе – школьники. За учебу в классе отвечаю я, за свой внешний вид отвечает ученик и родители, а за порядок в классе отвечает дежурный и все вопросы дисциплины ученики должны решать сами, между собой, а не доносить мне на других, как пробуют некоторые, – и мельком взглянула на Мишу. Он понял, что учительница ему не заступница, но всё равно, надо было найти себе поддержку в классе, и он нашел её в однокласснике Юрке, который жил неподалеку, в детсад не ходил и был крепким разбитным мальчишкой, почти на год старше других.

Миша приносил из дома конфеты или пряники, делился с Юркой бутербродами, которые ему давала мать – потому что в школе никаких завтраков не было. Воды можно было попить только из железного бачка, который стоял на табурете у входа в раздевалку, а рядом висела на гвоздике жестяная кружка, привязанная цепочкой к ручке бачка.

Юрка охотно поедал всё, что Миша приносил из дома и взял его под свою защиту, да и ребята из сада убедились, что Миша больше не ябедничает на них и стали относиться к нему по дружески – обиды в детстве прощаются быстро.

После уроков, Миша шёл домой, обедал тем, что находил на плите, и, если была хорошая погода, бежал к Юрке. Тот жил один с матерью в покосившейся избушке – мазанке с глиняным полом. Его мать работала уборщицей в магазине, отца не было, и куда он девался, Юрка не говорил, а Миша не спрашивал. Жили они с матерью бедновато, поиграть в избе было нечем, и ребята обычно шли на речку, которая протекала за околицей вдоль поселка. Впрочем, это была даже не речка, а скорее ручей, но протекал он в ложбине, промытой тальми водами и заросшей по берегам ивами и тополями, Местами ручей разливался в вымоинах, образуя омуты и заводи. Там водилась рыба, которую Юрка наловчился ловить на удочку и стал учить этому делу и

Мишу. За пару часов они выуживали несколько рыбешек, иногда достаточно крупных: плотва, окуньки, щуята, а изредка попадались и сомики.

Рыбешку Юрка уносил домой всю: пойманную им и ту, что поймал Миша и его мать, потом, варила уху или жарила эту рыбу, угощая и Мишу, если он был у них. Мишина мать не одобряла эту дружбу сына с безотцовщиной, как она говорила, и не разрешала Мише приводить Юрку домой, где ребятам было чем заняться. Но нельзя, значит нельзя, и Миша покорно выполнял волю матери.

По воскресеньям мать давала Мише денег на билет в кино и на мороженое и он, забежав за Юркой, отправлялся в клуб, находившийся в середине поселка в барском доме, к которому сзади пристроили зал для показа кино. Детский билет на дневной сеанс стоил десять копеек, так что маминых денег вполне хватало на два билета, но без мороженого.

В школе Миша учился вполне успешно, был твердым хорошистом, хотя иногда и проскакивали в отметках дневника и троечки. Нина Ивановна говорила, что Миша может учиться лучше, но нет у него внутреннего огонька и задора в учебе, нет самостоятельности: скажут ему – он сделает, не скажут – инициативу проявлять не будет.

Свое место Миша нашел в общественной работе. В четвертом классе их всех приняли в пионеры и Мишу, как спокойного и уравновешенного ученика выбрали звеньевым отряда – это была небольшая, но власть над одноклассниками и возможность услужить более взрослым руководителям пионерской дружины школы, хотя дружина и состояла всего из одного класса – отряда.

Пионерская организация СССР была составной частью коммунистического воспитания людей, начиная с детского возраста и далее: пионер – комсомолец – член партии. За основу воспитания были взяты христианские заповеди, из которых убрали заповеди по почитанию бога и добавили борьбу за мир, интернационализм и построение коммунизма.

Пионер – значит передовой, первый: именно с пионеров должно было начинаться воспитание человека – честного, бескорыстного, самоотверженного по отношению к другим и патриота страны – СССР. Были ещё и октябрята, в которые вступали ученики первого класса, но что это такое малыши не понимали, а в пионеры принимали с десяти лет – вполне сознательный возраст. Сейчас демократы хотят ввести уголовную ответственность детей с 12-ти лет, полагая, что к этому возрасту ребенок уже может и должен отвечать за свои проступки.

Задача пионерской организации была отвлечь детей от уличной подворотни, приучить к товариществу и коллективизму. Товарищество – это помощь отстающим в учебе, а коллективизм – это совместное проведение досуга: походы в лес, в кино, занятия спортивными играми и прочие детские увлечения. Подростков с 14-ти лет принимали в комсомол, который должен был продолжать воспитывать порядочных юношей и девушек и, затем, наиболее добросовестные из них вступали в коммунистическую партию.

Такая ступенчатая подготовка должна была обеспечить и воспитание всего общества. И действительно, в начальные годы революции на волне всеобщего энтузиазма охватившего людей, освобожденных от власти денег и рабского унижения привилегированными сословиями, наиболее честные и передовые люди, в том числе юные и подростки, активно включились в построение передового бесклассового общества.

Основы этого общества были заложены уже к 40-вым годам 20-го века, но началась Отечественная война с немецкими фашистами, честные и принципиальные партийцы и комсомольцы ушли добровольцами на фронт и там погибли, а их места в тылу и после войны заняли приспособленцы, которые как плесень стали душить всё живое, навязывая обществу свои представления о жизни, где личное благосостояние всегда стоит на первом месте.

К 60 – ым годам эта людская плесень охватила уже и комсомол и пионерию, где формализм победил созидание, а отчетность стала важнее результатов. Именно в такую среду пионерию и попал Миша Рзавец.

Пионерские обязанности Миши были несложны, как и у всех пионеров того времени. Чаще всего звеном обсуждали плохую успеваемость пионера или какой-нибудь проступок по поведению. Остальные пионерские дела были скорее развлечением, чем обязанностью. Собирали металлолом и макулатуру, чтобы отличиться, в воскресенье иногда ходили в поход на целый день за околицу поселка на пруд или речушку, где играли в разведчиков. В мае участвовали в прополке свеклы на совхозных полях, а в сентябре помогали убирать эту свеклу и картошку. Участвовали всей школой, но Миша обязательно указывал в школьной стенной газете, что именно его звено совершало эти пионерские дела.

И обычные ребячьи игры легко представлялись пионерскими делами, если вовремя и правильно рассказать о них взрослым. Так Миша понял ещё в детстве, что важно не сделать дело, а правильно отчитаться за него, тогда само дело можно и не делать. Именно в годы его детства зарождались формализм и показуха, под напором которых через четверть века рухнула народная власть, а исполнители ещё только подрастали и одним из них становился Миша.

Но пока, он вместе с одноклассниками из своего пионерского звена ходили в школу, собирались ватагами на пруду, играли в казаков – разбойников, ходили в кино по воскресеньям и неохотно помогали родителям в домашнем хозяйстве на огороде и по уходу за живностью на подворье.

Мать Миши держала теперь только кур, которые не требовали ухода, но многим его одноклассникам приходилось рвать траву для кроликов или чистить загон, где хрюкали свиньи – так делал его друг Юрка: они держали свиней. Мать Юрки весной брала трёх поросят в совхозе, получала на них корм и после откорма осенью сдавала обратно двух свиней, а третья оставалась им за работу.

Поздней осенью она приглашала забойщика, тот резал свинью, разделявал тушу и уходил с окороком в руках. Юркина мать продавала половину туши, а вторую половину оставляла на пропитание. Это было большое подспорье к её небольшой зарплате, что позволяло Юрке учиться в школе и быть обутым и одетым не хуже остальных ребят. Надо сказать, что держать коров, свиней и прочую живность на подворье в поселке разрешили года два назад, а до этого, по указке Хрущева, который возглавлял тогда страну – СССР, животноводство в поселках и городках запрещалось, в деревнях облагалось большим налогом, и разводить скот было невыгодно. Хрущева скинули с поста его товарищи по партии и снова разрешили вести подсобные хозяйства – главное, чтобы соседи не жаловались.

За модой тогда особенно не гонялись и потому ребята одевались просто, дешево и практично: зимой полупальто, кирзовые сапоги и шапка или фуражка – благо, что зима в тех местах без сильных морозов, а летом – брюки, рубашка и сандалии или кеды: прототип нынешних кроссовок, но попроще – х/б материя и резина.

Друг Юрка мог бы получать пособие от школы, как из малообеспеченной семьи: бесплатно одежду и учебники, но он стеснялся своей бедности и был как все. Не стесняясь, впрочем, отнимать, иногда, у более слабых ребят их карманные деньги, зная, что родителям они никогда не пожалуются: это была бы ябеда, а ябед тогда не любили и презирали.

Потому и Миша перестал ябедничать учителям, а дома он этого никогда не делал, даже когда ходил в детсад. Однажды он начал рассказывать отцу, что один мальчик в их группе ругается и плюётся, так отец шлепнул его ладонью по губам и сказал что выпорот, если ещё услышит, как его сын ябедничает.

Четвертый класс Миша закончил без троек: вообще-то одна тройка по арифметике должна быть, но ему, как звеньевому пионерского отряда, учитель дал легкое контрольное задание и потом поставил четверку за четверть и за год. Так Миша ещё раз понял, что быть на виду и помогать взрослым – это хорошо и выгодно.

Лето шло быстро и незаметно. В пионерский лагерь он не поехал: не захотел, и родители не возражали, хотя и опасались его приятеля Юрки: как бы он дурно не повлиял на Мишу.

Но в тот год, в СССР, впервые ввели минимальную заработную плату в 60-т рублей, с которой не брали налоги и ввели пенсии для колхозников, чего раньше не было. Юркина мать тоже получила прибавку к зарплате, плюс 5-ть рублей, как матери одиночке и потому Юрка стал жить намного лучше, успокоился и перестал хулиганить.

Это успокоило и родителей Миши, которые перестали возражать против его встреч с Юркой. К тому же, Миша придумал сказать родителям, что он, как пионерский звеньевой, взял шефство над другом, чтобы он учился и вёл себя лучше. На том все и успокоилось.

Ребята бегали на пруд купаться, мастерили во дворе луки со стрелами и рогатки для охоты на птичек и бегали за околицу в рощу играть в войну и стрелять птиц из рогатки. Миша с Юркой тоже делали вылазки в городской сквер у кинотеатра, где охотились на воробьёв и собирали пустые бутылки.

Взрослые после работы присаживались компанией на скамейки в сквере, выпивали немного водки и пива, а пустые бутылки оставляли – вот с утра эти пустые бутылки становились добычей мальчишек. Собранные бутылки они несли в приемный пункт стеклотары, где приемщик проверял горлышки бутылок на отсутствие сколов и расплачивался по 12 копеек за каждую бутылку. Этих денег ребятам вполне хватало на посещение кино и мороженое, а больше им ничего и не было нужно: одеты, обуты и накормлены они были так же, как и их сверстники.

Главным были не сами деньги, а то, что они как бы заработаны и не выпрошены у родителей. У Юрки была мечта купить велосипед, чтобы гонять по поселку, как и Миша, но велосипед стоил 40 рублей, которые на бутылках не соберёшь, а потому друзья ездили вдвоём на Мишином велосипеде, крутя педали по-переменке.

В те, шестидесятые годы, говорить и мечтать о деньгах, как средстве хорошей жизни, было не принято ни среди взрослых, ни среди детей. Зарплата, хотя и была разная, но отличалась не сильно: так, отец Миши, работая шофером, получал больше двухсот рублей. Юрина мать, работая уборщицей, получала 70 рублей, но зависти или злобы по отношению к родителям Миши у неё не было – так сложилась её жизнь после войны, в которой она потеряла обоих родителей. Люди рабочих профессий зарабатывали больше, чем местная интеллигенция: врачи и учителя, но не намного.

При желании, всегда можно было подработать: Юрина мать работала по совместительству на полставки уборщицы в сберкассе и в итоге зарабатывала почти как начинающий учитель. Рабочему токаря или слесарю достаточно было начать работать с огоньком без долгих перекуров, как его заработок возрастал в полтора – два раза.

Но и учитель, и врач тоже могли работать на полторы ставки, только многие не хотели: зачем пропадать целыми днями на работе, если зарплаты вполне хватает на приличную, по тем понятиям жизнь: одеваться; есть-пить; покупать кое-какую мебель и товары; ездить в отпуск раз в год на курорты или в пансионаты по профсоюзным путевкам, почти бесплатно – только проезд платный.

Например, проезд по ж/д от поселка до Москвы стоил 11 рублей в плацкартном вагоне. Все остальные потребности людей: медицина, учеба и обеспечение жильем были бесплатными для всех, но жилья надо было ждать в очереди – после войны прошло только двадцать лет, и в полуразрушенной стране ощущалась острая нехватка жилья в виде отдельных квартир, однако на улице никто не жил.

Многие семьи имели только комнату в общей квартире или комнату в общежитии. Поэтому, деньги в советском обществе тех лет не имели особой роли, человек пользовался уважением за труд, а не за количество денег и жадность к деньгам была у немногих.

Знакомые односельчане, встречаясь случайно, обычно говорили между собой о здоровье, о работе, лишь мельком упоминая о зарплате, зная, что зарплата зависит от качества и количества труда: хочешь больше заработать – работай лучше, повышай свою квалификацию и твой

заработок увеличится. Можно было перейти на другую работу, где твоя квалификация будет соответствовать зарплате: рабочие руки требовались везде – у станка, в школе, в больнице – безработицы, как понятия, не существовало вовсе.

Летние каникулы закончились, и началась учеба Миши в пятом классе средней школы.

VI

Новое трехэтажное здание средней школы построили в поселке два года назад, в центре, недалеко от кинотеатра. От дома до школы Мише теперь надо было проходить с километр, поэтому выходить из дома приходилось раньше, чтобы не опоздать к урокам. А опаздывать ему было нельзя: их класс перешёл в новую школу, но не полностью и к ним добавили учеников из другой начальной школы, а потому, Миша – как единственный оставшийся в классе пионерский звеньевой, был назначен председателем совета отряда: этот совет состоял из трёх человек – его и двух звеньевых.

Должность председателя была почетна и необременительна: нужно вовремя отчитываться о работе пионеров класса, и важно не сделать что-то полезное, а правильно отчитаться о якобы проделанной работе.

Например, сходили классом в кино на новый детский фильм – тут же заметка Миши в стенгазете пионерской дружины о коллективном походе пионеров отряда в кино. Попросил Миша одноклассников принести из дома ненужные газеты и книги – в отчет отряда о сборе макулатуры и прочих подобных мероприятиях. Так живые детские поступки оформлялись как организованная пионерская деятельность отряда.

И, как потом убедился Миша, точно также поступали и в комсомоле, и в партии – КПСС, которая руководила государством – СССР. В итоге, через много лет, выросшие из пионерских активистов члены партии и комсомольцы привели к власти в стране беспринципных проходимцев и стяжателей, которые развалили и уничтожили страну, а начиналось всё с тихих и послушных пионерских вожаков – таких как Миша Рзавец.

Уже в самом начале учебы в пятом классе, заполняя дневники, кто-то из учеников обратил внимание, что если Мишины имя и отчество сократить до инициалов, то получится слово «мерзавец», чему Миша очень расстроился и даже спросил отца: почему у них такая нехорошая фамилия. Отец обругал его, сказав, что это обычная украинская фамилия, и она случайно совпала с его именем – отчеством. Пусть Миша не расстраивается: не имя красит человека, а его дела и поступки – будешь хорошим человеком, и никто не вспомнит о фамилии, а будешь плохим человеком, тогда и с хорошей звучной фамилией тебя никто уважать не будет.

Вот он, Ефим Михайлович, живет с этой фамилией и матери и сыну дал её и никто о нём плохого слова не скажет, а Миша назван в честь деда – Михаила, достойного человека, который погиб на войне, защищая Родину. Недалеко живет сосед по фамилии Шахрай, что по-украински означает: плут, мошенник, но никто его не называет так, и все уважают – простой, отзывчивый и работающий человек.

– Рости и ты, сын, человеком и всё будет у тебя в жизни хорошо, если будешь поступать честно и бескорыстно, – заключил отец свои воспитательные слова и пошел смотреть телевизор, который они с матерью недавно купили и поставили у себя в спальне – чтобы не мешать Мише делать домашние уроки.

Миша выслушал отца, но решил, что если его пионерская должность дает некоторые послабления в учебе: ему никогда не ставят двойки за невыученные уроки, потому что всегда можно сказать, что не успел занимаясь пионерскими делами, да и тройки ему ставили редко по той же причине – то не след отказываться от этих привилегий.

Ребята в классе, однако, не забыли его фамильных совпадений и стали называть его «Мерза», если Миша что-то делал, на их взгляд, нехорошее. В будущем, взрослея, Миша всегда

старался, по возможности, подписывая документы ставить инициалы после фамилии, чтобы не вызывать ненужных ассоциаций.

Учеба шла в привычном руле, как и пионерская работа и школьные годы замелькали один за другим.

После пятого класса Миша пробыл одну смену в пионерском лагере, но ему там не понравилось: пионервожатая поставила своих знакомых ребят во главе отрядов, и потому Миша оказался там обыкновенным рядовым пионером, а подчиняться он уже не умел, почувствовав себя в школе небольшим, но руководителем.

На следующую смену и в следующем году он в пионерский лагерь больше не ездил.

Приятель Юрий, который продолжал покровительствовать Мише в конфликтах с соседскими ребятами, напротив, охотно уезжал в лагерь на все три смены.

Мать Юры к тому времени из уборщиц перешла работать продавцом в продуктовом магазине и их жизнь вполне наладилась: все продукты она приносила из магазина и зарплаты, хоть и небольшой, вполне хватало на всё остальное – даже велосипед Юрке купила и телевизор в дом, куда они переехали из своей избушки – квартиру, такую же как у Миши, она получила от местного управления торговли.

Бывая у Юры в гостях после уроков, они вместе смотрели телевизор, и пили чай с конфетами, которые были всегда. Миша как-то спросил мать Юры: не опасно ли носить продукты из магазина, на что получил убедительные разъяснения, что гораздо опаснее иметь излишки товаров в магазине.

–Понимаешь, Миша, – объясняла Юрина мама – мы продаем продукты: сахар, муку, крупу и прочее и всё это надо упаковать в бумажные кульки, чтобы не рассыпалось. У нас в магазине стоит рулон упаковочной бумаги, весом почти триста килограммов и мы его расходует за месяц. Я не обвешиваю и не обсчитываю покупателей, но за счет этой бумаги каждый месяц получается излишек продуктов на триста килограммов. Если этот излишек обнаружит ревизия, получится, что мы обманули покупателей и тогда нас накажут.

Вот почему продавцы и берут излишек продуктов себе домой, чтобы не оказаться ворами. Да, мы кладем бумажку на весы с другой стороны для равновесия, но кулёк всё равно тяжелее. Ещё есть усушка, утряска и списание подпорченных товаров, которые мы не имеем права продавать, но они вполне съедобные: ты же ешь конфеты у нас, а это списанные конфеты, у которых закончился срок годности. Так и другие товары.

Поэтому, для нас, продавцов, лучше небольшая недостача товаров, чем излишек. Недостача – это ошибка продавца в пользу покупателей и её можно просто восполнить, что мы иногда и делаем, сообщая внося в кассу недостающую сумму, а излишек – это обман покупателей, за что могут привлечь к уголовной ответственности.

Так что Миша, можешь смело есть эти конфеты – они не краденые. Плохо, когда в коллективе магазина заводится продавец, который украдкой от остальных начинает таскать домой товары без меры – тогда при каждой ревизии оказывается крупная недостача и продавцов могут уволить за воровство денег из кассы, которого на самом деле не было, – закончила мать Юры свои объяснения.

Мог ли Миша подумать тогда, что через много лет, в этой стране, но при другой власти, он – человек с высшим образованием, будет бездомным и безработным отщепенцем, вынужденным питаться, в основном, списанными продуктами, добытыми из мусорных контейнеров на рынке и у магазинов, но до этого была ещё целая жизнь.

А пока, Миша понял, что и без обмана вполне можно получать выгоду – надо только грамотно выполнять правила и инструкции на работе, а в жизни руководствоваться только личными интересами, говоря при этом, что заботишься об интересах коллектива.

Юркина мама завела себе друга – так она называла приходившего к ней мужика по имени Пётр, с неизвестной Юрке фамилией: мать говорила ему, что неважно какая фамилия – главное, чтобы человек был хороший, точь-в-точь, как отец говорил Мише об их фамилии.

Этот хороший человек любил выпить водочки вдвоём с Юркиной мамой – именно поэтому Юрка и проводил всё лето в пионерлагере, чтобы не мешать матери в её жизни.

Она не раз говорила при Мише, что если бы не было Юрки, то она давно бы устроила свою жизнь. Юрка говорил Мише, что когда они жили бедно, они жили лучше, чего Миша никак не мог понять: как это – бедно, но лучше?

Бутылки в парке у кинотеатра они больше не собирали: Мише, как председателю совета отряда этого никак делать было нельзя, а у Юрки тоже отпала нужда в копейках за сданные пустые бутылки.

В кино друзья ходили на каждый новый фильм, на который пускали подростков, а в свободное время смотрели телевизор: все передачи подряд по единственной программе, которую ловили антенны телевизоров у жителей поселка. Была ещё одна программа, но телевизоры в их поселке, несмотря на все ухищрения со строительством индивидуальных антенн, вторую программу ловили только изредка, в хорошую морозную погоду, которая бывала в этих краях всего несколько дней зимой.

В начале учебы в восьмом классе, всех учеников из Мишиного класса, кому исполнилось 14 лет, приняли в комсомол. Процедура приема в комсомол была хорошо отработана и занимала всего несколько минут для каждого ученика: надо сказать, что с уставом ВЛКСМ знаком и обязуюсь его выполнять и ещё ответить на пару простых вопросов о задачах комсомола – вот и весь приём.

Двое учеников из Мишиного класса не стали вступать в комсомол: сказали, что не готовы и от них отстали, предлагая вступить позже.

Мишу, по привычке, избрали комсоргом класса, против чего остальные ученики не возражали: Миша уже научился организовывать свою деятельность так, чтобы угодить вышестоящим товарищам и не испортить отношения с одноклассниками.

Восьмой класс в те годы был выпускным: после него часть школьников продолжала учебу в девятом классе, чтобы получить среднее одиннадцатилетнее образование, а другие шли учиться дальше в техникумы или профессиональные училища, которые тоже давали среднее образование, но одновременно давали и специальность: рабочую или средне-профессиональную.

Но после училища или техникума необходимо было отработать два года и только тогда можно поступать в институт, за исключением отличников, которым институт разрешался сразу. Родители Миши мечтали о высшем образовании для сына, и потому он продолжил учебу в девятом классе, тогда как многие его одноклассники продолжили учебу в сельхозтехникуме соседнего городка или в училищах механизации сельского хозяйства, строительном и педагогическом, которые находились в поселке.

Приятель Юрка, который был старше одноклассников на год, и ему исполнилось 16-ть лет, пошел работать учеником слесаря на автобазу, где работал шофером отец Миши, а доучиваться решил в вечерней школе рабочей молодежи – ШРМ, как её называли для краткости.

К шестнадцати годам Юрка вытянулся и выглядел вполне взрослым парнем, к тому же, его мать говорила, что устала тянуть лямку за сына – пусть идет работать: она тоже начала работать с 16-ти лет и ничего, не пропала, стала продавцом – уважаемым и вполне обеспеченным человеком.

Надо сказать, что карьерный рост матери Юры от уборщицы до продавца, пагубно сказался на её характере: из спокойной и уравновешенной женщины она быстро превратилась в крикливую бабу, постоянно озабоченную приобретением вещей, и думающую только о приходящем к ней приятеле – муже выходного дня, как она его называла при сыне и Мише.

Года через два, мать Юры уличили в крупной недостаче товаров и посадили в тюрьму, после которой она осталась где-то в Сибири. Приятель Юра закончил ШРМ, затем, заочно – сельхозинститут, работал в совхозе, неподалеку от поселка, дорос до директора этого совхоза и в начале 90-ых годов трагически погиб, разбившись на автомобиле.

Все говорили, что его убили, потому что мешал мошенникам продавать земли и имущество совхоза, который он не позволил развалить, а преобразовал в товарищество с общей собственностью на землю. Но это было потом, а тогда, после восьмого класса, их пути разошлись навсегда.

На летние каникулы отец свозил Мишу в гости к своему брату, жившему в Свердловске, нынешний Екатеринбург. Это был первый дальний выезд Миши из поселка. Предыдущим летом они ездили втроём, по бесплатной путевке отцу, отдыхать в Сочи, но это было неподалеку – всего триста километров от поселка, а здесь дальнейшее путешествие на поезде.

Лёжа в вагоне на верхней полке, он смотрел в окно на мелькающие леса, реки и горы, поселки и города, поражаясь бескрайним просторам своей страны.

Пребывание в гостях ему не понравилось, Семья брата отца из пяти человек, проживала в трехкомнатной квартире и, потеснившись, они выделили гостям маленькую комнату.

В городе каких–либо достопримечательностей не было. В выходные дни съездили к брату на дачу, которая представляла собой небольшой летний домик на участке земли чуть больше, чем участок у Мишиного дома, но там росли фруктовые деревья: абрикос, слива, яблони и груши, а здесь только картошка и ягоды: смородина и малина, которые ещё не успели. Брат отца предложил им остаться пожить на даче, но они отказались из-за прохладной погоды и, погостив неделю, уехали к себе домой. Как сказал отец: «В гостях хорошо, а дома лучше».

VII

Учеба в девятом классе началась с работы на полях подшефного совхоза по сбору урожая помидоров и картошки. Первого сентября старшеклассники собрались в школе, ознакомились классом, потому что класс оказался сборным из трёх восьмых классов. Мишу привычно избрали комсоргом класса, а уже второго сентября началась их работа в совхозе.

Утром к школе подъезжали автобусы и развозили школьников по полям близлежащих совхозов и колхозов. С девяти утра начиналась работа, в час дня был перерыв на обед: их кормили бесплатно в совхозной столовой, потом два часа работы и отъезд домой.

Сначала школьники собирали зрелые помидоры и складывали их в кучу посередине поля. Приезжали машины с пустыми ящиками: в эти ящики укладывали помидоры, грузили ящики на машину, которая увозила эти помидоры в неизвестном направлении.

Машин не хватало и куча красных помидоров посередине поля начала оседать, помидоры потекли, и через несколько дней на месте этой кучи образовалась лужа помидорного сока. Тогда из совхоза приехал трактор с плугом и запахал помидорное поле, хотя на стеблях оставалось ещё много красных помидоров – план совхоз выполнил, и эти помидоры были ему не нужны.

Ребят перебрали на уборку картошки: работа точно такая, что и уборка помидоров – собирать по полю выкопанную трактором картошку и ссыпать её в кучу.

Однажды, во время передышки, они сидели всем классом на краю поля под зелеными ещё тополями, и ребята перебрасывались шутками с девочками.

За лето девочки заметно подросли, их формы округлились, и они превратились в вполне взрослых на вид девушек, а ребята заметно отстали от них и выглядели ещё мальчишками. Тема взаимоотношения полов интересовала всех, и разговор незаметно перешел про любовь.

Одна девочка стала рассказывать о прочитанной книге, про юношескую любовь и её внимательно слушали. Вдруг Миша ни с того ни с сего сказал громко: «Я недавно читал в одном журнале, что если мальчик занимается онанизмом, то у него на ладонях растут волосы».

Все ребята машинально посмотрели на свои ладони, а Миша подленько рассмеялся. Ребята покраснели, девушки засмутились, отошли в сторонку, и наступило неловкое молчание. Мальчик из прежнего Мишиного класса возмущенно сказал: – Ну и гад же ты, Мерза! Зачем при девушках это сказал! Я тоже читал, что в нашем возрасте почти все здоровые подростки занимаются этим делом, потому что созрели уже, а доступных женщин нет.

В нашей стране нет публичных домов и проституток тоже нет. У нас в поселке есть женщины, которые за деньги? Нет таких. Есть женщины, как говорит моя мать, непутевые, которые сегодня с одним мужчиной, а завтра с другим, но мы до них ещё не доросли, потому и случается иногда этот самый онанизм.

Я читал, что отец писателя Чехова в пятнадцать лет сводил его в бордель, где Чехова обслужила проститутка, нанятая отцом. И потом, отец давал иногда Чехову денег, чтобы тот посетил бордель, снял юношеское напряжение и спокойно занимался учебой. Чехов стал хорошим писателем, и мы изучаем его в школе. Вот так. Но ты, Мерза, сказал про это при наших девушках из класса, у них тоже гормоны играют, но им нельзя даже этого, а ты опозорил всех нас в их глазах. Нам же учиться дальше вместе. Подло это.

Миша понял свою ошибку и стал оправдываться, что сам не знает, к чему сказал про это, но ребята обиделись и несколько дней с ним не разговаривали.

Много позже, в 11-ом классе у них образовалась пара, которая поженилась сразу после школы и будущий жених, рассказывая ребятам о своей победе над будущей женой, упомянул, что после их связи девушка, однажды, спросила его: лучше ли ему с ней, чем этот самый онанизм, о котором говорил в девятом классе Миша Рзавец? Значит, девушки не забыли про выходку Миши и, наверное, обсуждали своих одноклассников, застигнутых врасплох его коварством.

Мише и тогда, и позднее нравилось ставить людей в неловкое положение – это как бы возвышало его самого, потому, что возвыситься своим трудом или поступками у него не получалось.

Через неделю после этого случая, работа на полях закончилась и школьники вернулись за парты, чтобы наверстать упущенное время: программу обучения никто сокращать не разрешал.

Учились тогда в школах по единым учебникам для всей страны. Учебники эти не менялись по много лет, были написаны просто и понятно, а потому обучение давалось легко, почти всем, кроме закоренелых лентяев и тех, кто учиться не хотел вовсе.

Такие досиживали в школе до 16-ти лет, чтобы пойти работать – здесь в поселке или уехать в большой мир, где им представлялась жизнь в розовом свете: все их ждут, все им будут помогать и отсутствие школьных знаний нисколько не повредит. Конечно, это было не так, но убедить подростка в его заблуждениях почти невозможно – только сама жизнь покажет ему ошибки и иногда слишком поздно.

Ещё два года обучения в школе прошли, как и прежде, без особых и запоминающихся событий. В десятом классе Миша вошёл в состав комитета комсомола школы и секретарь комитета – молодая учительница, пообещала Мише дать направление от райкома комсомола на учебу в институте: надо только определиться в какой именно.

Учеба в одиннадцатом классе началась как обычно с трудовой повинности в совхозе: опять ученики собирали помидоры и картошку – только ребята превратились в парней, у многих пробивались усики, а двое из них, южных кровей, давно уже брились.

Девушки тоже полностью оформились фигурами, и было видно, что они ждали и жаждали любви: но не запретной интимной связи, а полноценных супружеских отношений с любимым мужчиной, который обязательно должен появиться по окончании школы и никак не позднее.

Ребята шутливо приставали к одноклассникам, но те считали их не доросшими ещё до серьезных отношений. Одна пара всё же образовалась в их классе, но они вели себя уединенно, в стороне от одноклассников – даже сидели вместе за одной партой уже с десятого класса.

Работа в совхозе завершилась без происшествий, и начался последний учебный школьный год. Миша привычно вёл комсомольскую работу, заключающуюся в написании всяких справок и отчетов о проделанных в классе и в школе добрых делах.

Учителя старались не загружать выпускников домашними заданиями, сосредоточив все усилия на подготовке учеников к экзаменам по выпускным предметам, основными из которых были математика и литература.

Считалось, что математика является основой всех точных наук, а литература необходима любому образованному человеку в обществе развитого социализма, как тогда стали называть общественный строй, сложившийся в СССР.

Утверждалось, что социализм победил в стране полностью и окончательно: внутренних врагов уже нет, а внешние враги не страшны, при той военной мощи, которой обладала страна.

К сожалению, большинство людей верили, что врагов у страны нет, тогда как внутренние враги подбирались уже к самой вершине власти: все эти горбачевы, ельцины и их последыши, которые через годы уничтожат страну и тот справедливый строй, который обеспечивал спокойную и благополучную жизнь всего населения, а не только отдельных избранных слоёв общества. Но до этих трагических событий было ещё далеко и люди жили привычной жизнью.

Отец Миши купил автомобиль «Жигули», который ему выделили как хорошему шоферу – профессионалу, награжденному орденом и не имеющему аварий уже много лет.

Отец обустроил гараж, в котором раньше стоял мотоцикл и поставил туда автомобиль. Вот только ездить на нём было некуда. По поселку по своим делам можно пройти пешком, в баню тоже пешком – иначе после бани отцу нельзя было выпить кружку пива, а больше и ездить некуда.

Втроем, после покупки авто, они съездили на выходной день в Краснодар, Пятигорск и Сочи и отец, поставив авто в гараж, выезжал только в выходной день, проехаться по поселку и проветрить автомобиль, чтобы не ржавел.

Выезжая за околицу поселка, он научил Мишу вождению, заставил выучить правила дорожного движения, но учиться на права не разрешал, чтобы Миша не отвлекался от учебы в выпускном классе.

Отец Миши и не подозревал, что мысли и мечты его сына были далеки от школьных уроков и выпускных экзаменов: его остро интересовали женщины. Интерес к женщинам, конечно, ровесницам, уже давно пробудился у Миши, но никак не находил практического воплощения: одноклассницы и их подруги считали ровесников ещё не созревшими для серьезных отношений.

Сходить в кино или в клуб – это можно и на прощание позволить иногда легкий поцелуй, пожалуйста, но на большее рассчитывать не приходилось, даже если и обещать любовь до гроба.

Женщин, торгующих своим телом за деньги, тогда тоже не было в их поселке. В крупных и портовых городах объявлялись проститутки, обслуживающие иностранцев, но власть жестко наказывала их, высылая в отдаленные районы страны на поселение, где им негде и не с кем было заниматься древнейшей профессией.

В начале 70-ых годов, в СССР, всё ещё не было секса, как на западе. Была любовь, заключались браки, завязывались романы и отношения, но секса, как простого физиологического процесса соития мужчины и женщины в стране не было.

Нельзя было, познакомившись с девушкой, предложить ей секс, даже если она и слыла девушкой легкого поведения – прямое предложение вступить в интим, было бы с негодованием отвергнуто. Мужчине необходимо было пройти через процедуры ухаживания, сближе-

ния, встреч и поцелуев и только потом получить желаемое – если девушка до него имела связи и этот мужчина ей хотя бы чуточку импонирует.

Конечно, бывали и случайные и беспорядочные связи, но все они происходили по причине алкогольного опьянения или вследствие физиологической потребности женщины в интимных отношениях, при отсутствии у неё постоянного приятеля или неудовлетворенностью его возможностями.

В любом случае, краткая или долговременная связь с девушкой была возможна только после утраты ею невинности: случайно или обманом. В деревнях и поселках, в те далекие времена, девушки вели себя осторожно и вступали в интимные отношения только при полной уверенности в дальнейшем оформлении брака.

В городах всё было проще – там человек оторван от родных и знакомых: его личная жизнь может быть неизвестна даже близко живущим родственникам, а потому девушки более легко расстаются с невинностью, особенно приехавшие из деревень и поселков на работу или учебу, которые быстро попадают в руки городских ловеласов, обещающих им золотые горы: прописку, брак и все прочие блага – всё, что приезжие провинциалки желают слышать.

Часто обманутые девушки, обжегшись в городе, возвращаются назад домой и здесь уже более легко уступают домогательствам парней, всё ещё надеясь на супружество или делая вид, что надеется и, полагая, что если дело сделано, то почему бы не отдаться природе, пока не появился суженный.

Такие девушки водились и в поселке Миши, но опять– таки мешал его юный возраст: они все были постарше. Пусть на год – два, но с жизненным опытом, а потому искали и соответствующих им мужчин. Бывшие одноклассники Миши, которые пошли работать или доучиваться в училищах и техникуме, считались вполне взрослыми и уже обзавелись подругами: кто постоянной, а кто и временной, но Миша был школьником и считался недорослем в глазах девушек.

Почти весь одиннадцатый класс Миша так и оставался девственником, сжигаемым страстным желанием девушки, но весной наступило и его время: он случайно, в компании, познакомился с девушкой из училища, которая приехала на учебу из деревни и жила в общежитии.

Миша пару раз сводил её в кино, а потом, когда отец уехал в дальний рейс на несколько дней, и мать была на работе, он, договорившись с этой девушкой по имени Маша, подъехал к ней на отцовских Жигулях и прокатил её на машине за околицу. Этого было достаточно, чтобы покорить девичье сердце, и она отдалась ему прямо в машине.

Миша, несмотря на свою неопытность, понял, что он у Маши не первый, но его это нисколько не озаботило а было даже на руку: он её не совратил и потому не имел перед ней никаких моральных обязательств.

–Им вместе было хорошо и не более того, – думал он, высаживая Машу из машины у общежития и торопясь поставить машину в гараж пока не вернулась мать с работы.

Конечно, потом при встречах с Машей, он говорил ей о своей любви, стараясь при всяком удобном случае уединиться с ней в укромном месте и насладиться девичьим телом – душа Маши ему была уже не нужна.

Так прошли март, апрель и май и наступило время выпускных экзаменов, которые прошли вполне формально: на письменных экзаменах учителя подсказывали ученикам, если они затруднялись, а на устных экзаменах задавался ряд несложных вопросов, и ставилась отметка, не ниже той, которая вышла по итогам учебы за год.

Такой подход к экзаменам не напрягал учеников и учителей, считавших, что знания оцениваются не результатами разового экзамена, а по результатам всех лет обучения в школе. Мише, как комсомольскому активисту, оценки частенько завышались и он получил аттестат

зрелости без троек, но почти и без пятерок, как говорится, «хорошо то хорошо, но ничего хорошего».

Получив аттестат, надо было решать, где учиться дальше, но Миша устроил себе двухнедельные каникулы по случаю окончания школы. Каждый день он домогался Маши, иногда днем или вечером в укромном уголке под ветлой на берегу ручья, а Маша покорялась ему, тоже войдя во вкус интимных отношений.

Она часто спрашивала Мишу, что будет у них дальше, на что тот отвечал: – Сначала ему надо поступить в институт, закрепиться там, потом Маша окончит своё училище, а там видно будет. Женским чутьем она поняла, что потом у них ничего не будет, но смирилась, с ещё большим азартом отдаваясь плотским утехам.

Учебный год закончился и у неё и Маша уехала домой в свою деревню на каникулы, оставив Мише свои адреса дома и общежития, а он пообещал написать ей, как только определится. На том они и расстались навсегда.

На семейном собрании, где решалось, куда Мише идти учиться дальше, он настоял, что поедет поступать в Москву, в сельхоз академию на агрохимика. Химия ему нравилась в школе: все эти превращения жидкостей в твердое и наоборот, изменения цветов растворов завораживали его, но чистым химиком он быть не хотел, а агрохимик – он и сельскому хозяйству нужен и в науке может работать.

Отец возражал: зачем ехать так далеко в чужой город, если можно учиться здесь в Краснодаре – вон его приятель Юрка работает у них в автоколонне, закончил вечернюю школу и уже поступил учиться заочно в сельхозинститут и Мише надо поступать туда же, только учиться очно, слава богу они не нуждаются и могут выучить единственного сына. Но Миша настоял на своём, сказав, что комсомол поможет ему поступить, а он, окончив институт в Москве, будет, как специалист цениться больше.

Отец, в конце концов, согласился с его решением, сказав однако, что человек ценится не по образованию, а по знаниям и умению и что из Миши получится ещё не известно: работать – это ему не девушек из училища совращать и ушел в свою комнату смотреть телевизор. В поселке ничего не утаить и его родители знали о любовной связи Миши с девушкой из училища.

После отъезда Маши он занялся устройством своего поступления в институт: собрал все необходимые документы, а комсомольский секретарь из школы оформила ему рекомендацию от райкома комсомола на поступление в институт вне конкурса.

В райкоме Мише объяснили, что рекомендация эта не имеет обязательного характера, но он должен обратиться в комитет комсомола института, они знают, как оформить поступление и пока ещё ни одному из рекомендованных комсомолом не отказывали в приеме. Обнадеженный комсомольскими деятелями, Миша стал собираться в Москву.

В те годы, во все институты страны, вступительные экзамены начинались с первого августа: сдавать документы можно было только в один ВУЗ на конкретный факультет и, если не наберешь нужных баллов, то уже никуда не поступишь, даже если этих баллов хватает для поступления на другой факультет или в другой ВУЗ.

Попытку поступления в ВУЗ можно повторить на следующий год, если юношу не призвут в армию на два года срочной службы.

Собрав чемодан с вещами и документами, Миша за две недели до экзаменов выехал из дома покорять Москву.

По приезду, Миша сдал документы в приемной комиссии и попросил общежитие, в чём ему было отказано, потому что общежитие для поступающих предоставляется только за десять дней до начала экзаменов, то есть со следующего дня – так Москва негостеприимно встретила своего очередного посетителя, желающего остаться в ней на жительство.

Миша собрался провести ночь на вокзале в зале ожидания: тогда документы, у ожидающих, никто не проверял, вход на вокзалы был свободный без досмотров и о терактах никто не слышал и не предполагал их умысла советскими людьми.

Но идти на вокзал ему не пришлось: оформлявшийся рядом с ним абитуриент, сказал Мише, что в общежитие можно легко устроиться и без направления – достаточно попросит какого-нибудь старшекурсника переспать ночь на свободной кровати и предложить за услуги бутылку портвейна, что они и сделали.

Миша переночевал в свободной комнате, рядом с которой, старшекурсник, поселивший их, в своей комнате вместе с товарищами распивали доставшиеся им бутылки портвейна. Наверное, вина студентам не хватило, потому что ещё несколько раз кто-то из них бегал в магазин за добавкой.

По половине стакана портвейна было предложено и абитуриентам: напарник Миши выпил, а он отказался, сославшись на аллергию к алкоголю, что было сущей правдой, но воспринято с недоверием. Студент так и сказал: – Первый раз в жизни встречаю человека, у которого аллергия на вино! Но Миша, ещё в школе с одноклассниками, несколько раз пробовал пить вино, и всякий раз покрывался какими-то красными пятнами, голова наливалась свинцовой тяжестью, а вместо ожидаемого веселья и эйфории его сознание угнеталось до головной боли.

Ребята дивились такой его реакции на выпитое вино и расспросили взрослых, в чём тут дело, на что один выпивоха со стажем пояснил, что есть люди, правда их очень мало, которым алкоголь противопоказан и действует на них как слабый яд. Этим людям нельзя пить спиртные напитки, как некоторым нельзя пить молоко: ничего хорошего это не дает – одни только расстройства здоровья и психики.

Так Миша не стал пить вино, что, наверное, помогало ему в будущем избегать многих неприятностей, особенно с женщинами, но и ставило его вне компании выпивающих приятелей и тех же женщин, подозрительно относящихся к трезвенникам: уж не развратник ли, какой-то, готовый воспользоваться минутной слабостью слегка выпившей девушки?

Поэтому, сближение с девицами легкого поведения Мише никогда не удавалось: ни в кампании, ни наедине. Но трезвость помогала ему в его комсомольской работе и при общении с разбитными комсомольскими активистками, активно ищущими связей с подобными им активистами когда при завязывании близких отношений не обязателен стакан портвейна или водки – достаточно комсомольского значка на лацкане пиджака, чтобы тебя считали своим и достойным жарких объятий комсомолки где-нибудь в уединенном уголке.

В те времена, комсомольский значок носили исключительно, и только активисты, и потому этот значок служил своеобразным пропуском в среду комсомольских работников. Миша постоянно носил этот значок дома, не забывая о нём и в Москве.

На следующий день, получив направление в общежитие, Миша зашел в комитет комсомола института и передал секретарю своё направление на учебу от райкома комсомола. Секретарь – молодой человек, предельного для комсомола возраста, в строгом костюме, посмотрел направление и объяснил Мише, что официально они не могут зачислить в институт по комсомольскому направлению.

Сейчас не двадцатые годы, когда рекомендация комсомола на учебу была обязательна к исполнению, но его проведут к зачислению как подающего надежды спортсмена – достаточно сдать экзамены на тройки и даже в этом случае экзаменаторы будут предупреждены. Взамен, Михаил после зачисления должен будет продолжить комсомольскую работу в качестве комс-орга курса.

– Сам знаешь, что случайного человека мы поставить не можем, да и отказываются все от этой деятельности, а зря: через комсомол – к партийной работе, а там и в руководящие кадры

прямой путь, – сказал секретарь. Миша, конечно, согласился с предложением и обнадеженный, пошел устраиваться в общежитие уже на легальных основаниях.

Обещать, не значит жениться, – как говорил его приятель Юрка, а потому Миша перед экзаменами ещё раз перечитал учебники, ходил в институт на консультации для абитуриентов и начало экзаменов встретил вполне уверенный в своих способностях и знаниях. И зря: вступительные экзамены в столичных вузах были шире школьных программ по учебникам, москвичи готовились к ним на подготовительных курсах и у репетиторов, и приезжим абитуриентам было сложнее сдавать экзамены, чем подготовленным москвичам.

Миша сдавал экзамены не очень удачно, но комсомольская поддержка чувствовалась и в вопросах и в оценках преподавателей, и он был зачислен в число студентов первого курса.

Позднее, работая в комсомоле, Михаил узнал, что каждому экзаменатору давался перечень номеров экзаменационных листов абитуриентов, которые должны быть зачислены по спортивной, комсомольской линии или по прямому указанию из ректората и принимая экзамены, преподаватель сверял номера из списка с номером листа абитуриента и если номера совпадали, то ставил соответствующую оценку, достаточную для зачисления в институт.

VIII

Михаил стал студентом московского ВУЗа, сделав первый шаг на пути к благополучной, яркой и интересной столичной жизни – так он думал и верил.

После зачисления в студенты, Михаил съездил на пару дней домой, собрал свои личные вещи, снабдился родительскими деньгами и вернулся в Москву к началу учебного года, устраиваться в общежитие уже на постоянной основе.

Первокурсников расселяли на освободившиеся места выпускников, а поскольку, выпускники обычно проживали вместе, то и комнаты освобождались целиком и первокурсников тоже поселяли вместе, по четыре человека в комнату метров двадцати.

Судьба свела Михаила жить в комнате с ребятами из разных уголков страны, но все они были посланы на учебу по направлениям из колхозов – совхозов, куда и должны были вернуться, закончив обучение и получив диплом агронома.

Устроившись с жильем, Михаил посетил институт в первый учебный день, познакомился со своей группой, которую уже на следующий день послали в подмосковный совхоз на уборку картошки.

Дело это было привычным для ребят из сельской местности, и они успешно проработали там целый месяц, получили за работу небольшие деньги, за вычетом питания, и вернулись в Москву начинать учебу.

В первые дни, студенты получили студенческие билеты и, к удивлению Михаила, стипендию за месяц, проведенный в совхозе. Оказалось, что стипендию тогда государство платило почти всем, даже с тройками, а кто учился по направлениям, тем предприятия доплачивало ещё небольшую сумму, чтобы хватало на проживание в Москве или любом другом городе, поскольку цены на всё были одинаковыми по всей стране-СССР.

Через сорок лет, будучи бомжом, Михаил вычитал в газете «МК», подобранной на скамейке, что в 1975 году студент мог купить на стипендию 150 литров молока, а через 35 лет только 30 литров – почувствуйте разницу, как говорил его тесть Семен Ильич, родом из Одессы.

Михаила вызвали в комитет комсомола, зам секретаря поговорил с ним и уже через несколько дней на общем собрании комсомольцев курса их факультета он был избран комсоргом курса.

Первый семестр прошел в суматохе привыкания к студенческой жизни в общежитии и учебным занятиям, совмещаемых с комсомольской работой – несложной, но требующей вре-

мени на оформление всяческих отчетов и бумаг по воспитанию студентов в духе идей очередного съезда партии.

Зимнюю сессию Михаил сдал успешно с помощью комсомола, поскольку уже примелькался в деканате как активист и преподаватели, чуть спросив его, быстро ставили зачет или четверку в зачетную книжку.

Михаил был доволен таким положением дел, но, в последствие, иногда сожалел о легкой учебе, которая не позволила ему стать настоящим специалистом, понимающим изучаемые дисциплины и их взаимосвязь между собой.

Через много лет, с введением платного образования, все платники, стали учиться примерно в таком же режиме наибольшего благоприятствования, как в студенческие годы Михаила учились только спортсмены и общественные активисты.

Зимой в сессию, Михаил простудился с непривычки к промозглому московскому климату и домой на зимние каникулы не поехал, а провел их в институтском пансионате, где и лечили, и бесплатно кормили.

К окончанию первого курса, Михаил вполне освоился и с учебой, и со столичной жизнью студентов и даже речь свою успешно перестроил под московский говор. Только слабый акцент выдавал в нём приезжего, но это замечали лишь коренные москвичи, которых было сравнительно мало в быстрорастущем городе, переплавлявшем разнородные массы людей в единый сплав обитателей столицы.

Михаил приноровился использовать привилегии комсомольского активиста в личных целях, иногда пропуская занятия со ссылкой на общественную работу, а при общении с преподавателями всегда упоминал, что он комсорг курса и занят общественными делами.

Преподаватели входили в его положение, предоставляя ему зачеты и экзамены в зачетную книжку формально, без надлежащей проверки знаний. Был один неприятный эпизод с преподавателем химии, который проверив знания Михаила, оценил их на двойку, но Михаил подключил комитет комсомола, на преподавателя надавили, тот упёрся, говоря, что учеба студента должна быть на первом месте, а уже затем общественная работа и потому он хорошую оценку Михаилу поставить не может.

– Пусть учит лучше, а не слоняется по комитетам, – сказал он. Тогда этого преподавателя просто обошли, и более покладистый заведующий кафедрой, поставил нужную отметку. Так Михаил понял, что при желании можно не учиться вообще, а только заниматься общественной работой и успешно закончить институт.

Сельская порядочность не позволяла ему превратиться в законченного паразита, и он разделил свои заботы об учебе и общественной деятельности пополам, занимаясь и тем, и другим и оставляя достаточно свободного времени на свои личные нужды.

Личная жизнь студента и составляет тот смысл и содержание, которые и делают студенческие годы лучшими годами жизни образованного человека.

В студенчество юноша вступает в начале взрослого возраста, когда юность уже миновала, а повседневные заботы взрослой жизни ещё не наступили и потому есть время, желание и возможность приобретать знания и опыт, постигать искусство, находить любовь, ошибаться и исправлять эти ошибки, не обращая внимания на быт и материальную сторону человеческой жизни.

Все трудности и препятствия кажутся преходящими и временными, неудачи – пустяковыми, несчастья – поправимыми, а жизненные перспективы – отрадными.

Материально Михаил был вполне обеспечен: получал стипендию, ещё столько же прислала ему мать, за общежитие он платил один рубль в месяц.

Через комитет комсомола иногда выдавались талоны на бесплатное питание в студенческой столовой как спортсменам, а потому расходы на повседневные нужды компенсировались этими доходами и оставались средства на культурно – развлекательные мероприятия.

Эти мероприятия включали посещение кино, театров, музеев и ресторанов. Рестораны Михаила не привлекали ввиду его аллергии на спиртное, музеев он не понимал, и оставались кино и театры.

Театры надо посещать с девушками, которых у Михаила ещё не было: ни постоянной, ни временных, из-за отсутствия жилищных условий в общежитии для интимных встреч, а прочее его не интересовало, и оставалось единственное развлечение – кино, как говорил Ленин, чьё имя носил комсомол, важнейшее из искусств.

В кино можно было сходить и одному в свободный вечер, которые бывали у Михаила почти всегда, потому что учебой он себя не изнурял, надеясь на помощь комсомола, но чаще студенты ходили в кино группами из нескольких человек.

Эти группы формировались по интересу посмотреть определенный фильм. Кто-нибудь обходил комнаты общежития на этаже, предлагая пойти посмотреть этот фильм, и из желающих образовывался коллектив, выбирали у ближайшей афиши кинотеатр, где этот фильм демонстрировался, и группа уезжала прямо к сеансу, добывая последние билеты, если фильм пользовался успехом.

По окончании первого курса и месячной практики в подсобном хозяйстве института, Михаил приехал домой на летние каникулы.

В знакомой обстановке быстро, с натиском столичного жителя и упорством изголодавшегося самца, Михаил совратил соседскую девушку и, проведя с ней медовый месяц, вернулся в Москву, оставив девушку с обманутыми надеждами и осуждаемый отцом и матерью за этот неблагоприятный поступок, порицаемый всем сельским обществом.

Но Михаил уже усвоил быстрый темп московской жизни, где нет места долгим переживаниям и угрызениям совести за проступки, а есть голый рационализм и стремление к достижению цели, которая оправдывает всё.

Такой первоочередной целью для него стало улучшение своих бытовых условий в общежитии, где в комнате на четырех человек не было никакой личной жизни.

Можно было бы снять комнату, но даже на двоих это было дороговато, тем более, что отец, после инцидента с соседской девушкой, запретил матери баловать Михаила большими переводами: мол, из-за денег Михаил распустился в Москве, а потому и дома вёл себя нехорошо.

Проблема решилась через комсомол: Михаил пожаловался, что в общежитии нет условий заниматься общественной работой, и по ходатайству комитета его переселили в комнату на двоих – той же площади, только на две кровати. Соседом оказался спортсмен – волейболист, который входил в профессиональный клуб «Спартак» и постоянно бывал на играх чемпионата страны или на тренировочных сборах и комната фактически оставалась в полном распоряжении Михаила.

Он организовал новоселье и тотчас, сокурсница с другого факультета осталась ночевать у Михаила, позволив ему утолить мужское желание и своё женское тоже.

С этого времени началась настоящая столичная студенческая жизнь Михаила. Учебе он отдавал столько времени, сколько необходимо, чтобы оставаться на плаву, используя комсомольскую работу как спасательный круг.

Занятия он посещал только те, где требовалось присутствие: по лабораторным и практическим работам, а большинство лекций пропускал, считая их посещение пустой тратой времени – всегда можно взять чужой конспект и подготовиться к экзамену или зачету.

Выручали и учебники, которыми обменивались комсомольские активисты между собой для самоподготовки. Комсомольские обязанности Михаил усвоил ещё в школе: главное – отчитаться о проделанной работе, провести собрание грамотно, организовать какой-нибудь сбор или коллективное посещение театра или музея, желательно по бесплатным билетам в театр, через комитет комсомола, а музеи и так были все бесплатные для студентов.

Свободное время Михаил проводил с однокашниками или с комсомольскими активистами, а лучше с комсомольскими активистками, без вредной привычки набиваться в жены, и тренирующихся в сексе, в ожидании своего суженного.

Имея в распоряжении свободную комнату в общежитии, Михаил устраивал вечеринки для ребят из своей группы или знакомых по общежитию, или для комсомольских активистов с других факультетов и курсов.

Девушек в институте училось значительно меньше, чем ребят, поскольку не все специальности годились для женщин. В основном, девушки учились на экономическом факультете, а экономика считалась тогда никчемной и малопривлекательной специальностью, и именно для женщин: с их усидчивостью и педантичностью, требуемых при финансовых расчетах.

Но студентки – москвички хотели замуж, а студентки – приезжие тоже хотели замуж, но за москвичей, чтобы после учебы остаться в Москве. И тем, и другим, такие как Михаил, желающие секса, но не желающие связывать себя брачными узами, были не нужны – разве что для сексуального здоровья: потому что женщины, без употребления ими мужчин, портятся быстрее, чем при мужчине.

Михаил, в силу своего умеренного темперамента, не заикливался на этих проблемах и перебивался женской близостью от случая к случаю, охотно уступая свою комнату однокашникам, даже москвичам, для свиданий.

В таких случаях, он переходил ночевать к знакомым в другие комнаты, где имелись свободные кровати, хозяева которых были на работе в ночную смену, в отъезде или женились и переехали к женам – москвичкам, сохраняя на всякий случай свое место в общежитии – почти бесплатное.

Уступчивость Михаила высоко ценилась, что помогало ему и в учебе – по чужим конспектам, и в организации редких комсомольских мероприятий, необходимых ему для поддержания имиджа комсомольского активиста.

В таких заботах время текло незаметно, домой на каникулы он больше не ездил, чтобы не слушать осуждающих слов отца: справедливых, а потому ещё более неприятных.

Каникулы зимние он проводил обычно в институтском профилактории, а летом комсомольские и профсоюзные активисты выезжали на бесплатный отдых в крымский институтский пансионат.

В те времена, проклинаемые сейчас демократами, все крупные учебные и исследовательские институты имели свои санатории – профилактории в своем регионе и на берегах Черного моря. Потом, при развале страны и раздаче имущества предприятий в частные загребущие руки, эти оздоровительные учреждения были распроданы или просто разграблены и разрушены: также, как детские сады, пионерские лагеря, заводы и фабрики и прочие, ненужные новой власти, предприятия и учреждения.

К окончанию четвертого курса, Михаил получил телеграмму от матери о гибели своего отца в автокатастрофе. Телеграмму он получил с опозданием, уже после похорон.

Студенческая почта хранилась на вахте у входа в общежитие: Михаил получал почту редко, а потому и не следил за поступлением писем, отслеживая только денежные переводы от матери, и никто из его знакомых не обратил внимания на эту телеграмму.

Получив скорбное известие, Михаил сильно расстроился: с отцом отношения у него не складывались, но по-человечески ему было жаль своего молчаливого и замкнутого отца, да и мать с его гибелью оставалась одна.

Михаил заказал телефонный разговор с матерью, объяснил, почему не смог приехать на похороны отца и что не сможет приехать летом на каникулы из-за практики в институте. Эту практику Михаил выдумал, чтобы не расстраивать мать. На самом деле он собирался отдохнуть в Крыму в институтском пансионате, тем более, что вместе с ним ехала знакомая студентка с экономического факультета, с которой он сожительствовал весь четвертый курс.

Мать, выслушав объяснения сына, расплакалась, что он оставил её одну в трудную минуту, слезы матери его расстроили, но менять свои планы на летний отдых Михаил не собирался и, как мог, успокаивал мать обещаниями навестить её в ближайшем будущем. На том и договорились. Мать сказала, что пойдет собирать поминки по отцу на девять дней, а Михаил пошел договариваться со своей пассией насчет отъезда в Крым.

Отдохнул он хорошо, к матери, конечно, не поехал, сославшись на подготовку к окончанию института, и выпускной курс провел достаточно беззаботно, изредка посещая занятия, но часто посещая комитет комсомола и выбивая для себя льготы и поблажки.

Смерть отца имела одно неприятное последствие: мать стала высылать ему меньше денег на поддержку обучения сына в столице, поскольку получала небольшую зарплату бухгалтера, а большие зарплаты отца прекратились с его гибелью.

Недостаток денег Михаил компенсировал разовыми подработками вместе с другими студентами, плюс материальную помощь оказывал институт, как осиротевшему студенту. Это позволило Михаилу окончить институт в привычном образе жизни одинокого столичного студента, располагающего отдельной комнатой в общежитии, где проводились встречи с сокурсниками и студентками, вкусивших запретного плода общения с женщиной и желающих продолжать это общение со всяким, имеющим уголок для уединения и такой уголок у Михаила имелся.

К окончанию института встал вопрос о дальнейшей судьбе Михаила. Уезжать на работу в село он не хотел, а оставаться в Москве не было оснований: ни для работы, ни по жилью. Разделяя свои заботы по учебе и общественной деятельности поровну, Михаил не получил ни крепких знаний, ни места работы профессиональным комсомольским вожаком: даже удачно жениться на москвичке у него не получилось ввиду отсутствия подходящей кандидатуры в жены.

Перед выходом на диплом, Михаил подключил к своей судьбе профессиональных комсомольских вожаков, которым неоднократно уступал свою комнату на ночь, для свиданий с комсомолками – половыми активистками, и вопрос решился в его пользу устройством в аспирантуру для дальнейшего обучения на профессионального ученого. Конечно, по своим знаниям Михаил не годился в ученые, но знакомства оказались важнее знаний.

Защитив диплом, Михаил прошел формальную процедуру зачисления в очную аспирантуру и сохранил за собой своё место в общежитии уже в качестве аспиранта.

Аспирантура – это как бы дополнительное образование выше высшего, когда в течение трёх лет аспирант изучает более глубоко свою специальность, проводит научные исследования, учится преподаванию в ВУЗе и, наконец, защищая диссертацию по своим исследованиям, становится кандидатом наук, то есть дипломированным ученым.

Удовлетворенный благополучным исходом дела и устроив все формальности, Михаил поехал на лето к матери, как и обещал год назад. Мать обрадовалась приезду сына: жить в одиночестве после гибели мужа она ещё не привыкла и не подозревала, что остаток жизни длиною в тридцать лет она будет жить одна, ожидая редких приездов сына.

Михаил показал матери новенький диплом об окончании института и сообщил, что остается в Москве, чтобы учиться еще три года. Мать неожиданно расстроилась:

– Что же ты, Мишенька, будешь учиться всю жизнь что-ли? – спросила мать, не понимая, как можно учиться ещё после института.

– Пора начинать работать, заводить семью и детей. Вон твои одноклассники, почти все переженались и есть дети, у некоторых даже по двое, а ты до седых волос всё будешь учиться? Я думала, вернешься домой, женишься, я при вас буду, рядом доживать вдовый век, а ты опять учиться хочешь! Мы с отцом не учились много, война помешала, но ничего, прожили вместе ладом, работали, тебя растили – больше господь не дал детей, а теперь единственный сын учится и учится без остановки и без семьи: куда это годится? – сказала мать, обиженно.

– Сейчас надо долго учиться, чтобы стать человеком стоящим, – объяснял Михаил, – и аспирантура почти как работа: стипендия уже в два раза больше и комната в общежитии отдельная, – приврал немного Михаил, чтобы успокоить мать. – Но потом, я буду уважаемым человеком, с большой зарплатой, может стану преподавать в институте или работать в науке, а чтобы всего этого добиться придется ещё поучиться.

– Это хорошо, что зарплату будешь получать, – согласилась мать, – я больше не смогу помогать, сам знаешь какая у меня маленькая зарплата бухгалтера, а сбережения отцовские уже потрачены на твоё обучение.

– Ничего, мать, – доучусь, и я тебе помогать буду, – пообещал Михаил.

– Не надо мне твоей помощи – зарплату вполне хватает. Не хватает сына рядом, твоей заботы не хватает, внуков не хватает, а всё остальное наладится: жаль, что долго ждать придется, но потерплю, деваться некуда, – закончила мать. На том и сговорились.

IX

Летний отдых Михаил провел вполне благополучно. Мать ходила на работу, а Михаил оставался дома: спал – сколько хотелось, потом ходил на пруд, где загорал вместе с мальчишками, поскольку все взрослые в будние дни были на работе, а в свободные от работы дни занимались приусадебным участком или домашними делами, которых всегда достаточно в сельском доме.

Из развлечений было вечернее посещение кино, куда стекался весь поселок, освободившись от дневных дел и забот. За месяц отдыха Михаил просмотрел столько фильмов, сколько в Москве не осиливал и за год.

Отдых закончился, и Михаил вернулся в московскую толчею, продолжать непонятное матери, доучивание в аспирантуре. Учеба в аспирантуре только называется учебой: на самом деле, дважды в неделю аспиранты учились философии и иностранному языку, а всё остальное время аспирант должен был заниматься самостоятельно, пополняя знания под присмотром научного руководителя.

Таким руководителем Михаилу был назначен ученый из НИИ – Семен Ильич Фалис, который составил Михаилу план обучения на первый год и исчез из поля зрения заниматься своими научными, преподавательскими и личными делами.

В свободном режиме Михаил пробыл полгода, болтаясь на кафедре, к которой он был прикреплен и выполняя разовые поручения профессоров и преподавателей кафедры и иногда навещаясь в комитет комсомола для участия в общественной работе по воспитанию студентов в духе беззаветной преданности идеалам социализма и коммунизма, оставаясь сами потребителями и приспособленцами.

Именно из комсомольских активистов, в последствие, образовались самые проворные, наглые и беспринципные проходимцы, разрушившие страну социализма и присвоившие всё её достояние, обездолив честных тружеников.

Время шло, сдвигов в научной работе у Михаила не наблюдалось и он, связавшись по телефону с научным руководителем, запросил помощи. Семен Ильич, ссылаясь на большую занятость, пригласил Михаила навестить его вечером, дома, где и можно будет обсудить дела и уточнить планы научной деятельности Михаила.

Вечером следующего дня, Михаил позвонил в дверь квартиры, по указанному Семеном Ильичом, адресу. Дверь открыла пышная дама, представившаяся Адой – женой Семочки. На звонок выглянул и Семен Ильич в халате и, увидев Михаила, представил его жене и дочери, как своего аспиранта.

– Проходите, Михаил, раздевайтесь, – пригласил гостя Семен Ильич, – мы как раз садимся ужинать и вы с нами. Я сам был студентом и аспирантом и знаю, как хочется домашней еды и уюта. Вот и дочка моя, Сана, навестила нас, вместе и поужинаем, а потом и обсудим твои творческие планы.

Ужин затянулся. Семен Ильич вспоминал свои студенческие годы, его жена Ада потчевала Михаила, похохатывая над рассказами мужа, а дочь Сана молча слушала отца, изредка поглядывая на Михаила оценивающим взглядом женщины, изголодавшейся по мужчине. Эти взгляды были знакомы Михаилу и обещали более близкое знакомство в недалеком будущем. Он и сам, уже несколько месяцев не знал женщины и был не против – как говорили студенты, справить нужду.

Ужин закончился запоздно, Семен Ильич пригласил Михаила в свой кабинет, расспросил его о предполагаемой теме исследований и, поняв, что ничего определенного Михаил не имеет, сказал, что он подумает и подберет Михаилу подходящую тему: полегче и попроще.

– Ученым можешь ты не быть, но кандидатом быть обязан, – так говорят у нас в НИИ, – обнадежил он погрустневшего Михаила.

Михаил собрался уходить, Сана вдруг тоже засобиралась и они, попрощавшись, вышли вместе на улицу. Сана сразу сказала, что живет неподалеку и попросила Михаила проводить её и помочь открыть дверь, в которой замок иногда заедает.

Михаил понял, какой замок заедает у Саны, и охотно согласился её проводить. Дверь квартиры открылась легко, они вошли, Сана сказала, что эта двухкомнатная квартира ей досталась от родителей, которые переехали в более просторную квартиру, полученную от государства совершенно бесплатно, так же, как и квартира Саны.

Прямо с порога, Сана впиалась Михаилу поцелуем в губы и через пару минут они уже лежали в кровати, занимаясь естественными отношениями между мужчиной и женщиной, живущими в одиночестве.

Сана оказалась страстной и охочей до плотских утех женщиной, и Михаилу пришлось остаться ночевать у неё, благо следующий день был выходным. Утром они позавтракали бутербродами с кофе, потом Сана снова попросилась в постель, и Михаил вернулся к себе в общежитие только под вечер, совершенно измученным, и отсыпался весь следующий день.

С этого времени, он дважды в неделю стал навещать Сану по вечерам, снимая взаимные желания. Оказалось, что Сана работает в школе учителем иностранного языка после окончания пединститута. У неё есть сын Илья, трёх лет, который ходит в садик на продленку, а в день их первой встречи Сана, на всякий случай, отвела его ночевать к подруге, когда её пригласил к себе отец, обещая познакомить со своим аспирантом. Так Михаил оказался в капкане, расставленным Семеном Ильичом для поимки жениха дочери.

По научной части, действительно, Семен Ильич подобрал Михаилу подходящую тему исследований для диссертации и рекомендовал несколько книг, изучение которых поможет Михаилу вникнуть в тему.

Михаил почитывал эти книги, и навещал дочку Сану. Через пару месяцев, посещения Саны начали его тяготить – безудержная страстность Саны изнуряла его умеренность, раза три – четыре он пропускал свидания.

Неожиданно его навестил на кафедре Семен Ильич и прямо спросил о намерениях Михаила в отношении своей дочери. Намерений у Михаила никаких не было, о чем он и сказал Семену Ильичу. Тот возмутился: – Я ввел тебя в свой дом и свою семью, а ты злоупотребил моим доверием и совратил мою дочь и теперь смеешь говорить мне, что никаких намерений у тебя к Сане нет?

– Помилуйте, Семен Ильич, – оправдывался Михаил, – как я мог совратить вашу дочь, если у неё уже есть ребенок! Мы взрослые люди, вступили в отношения и разойдёмся, если эти отношения прекратятся.

– Нет, так не пойдет, – отвечал Семен Ильич, – у нас так не принято, чтобы сошлись – разошлись. Если вы, Михаил, не женитесь на моей дочери, я позабочусь, чтобы вас исключили из аспирантуры и езжайте тогда из Москвы в отдаленную деревню работать агрономом. Это будет вам наукой за своё вероломство к моей дочери.

– Но у нас с Саной даже и разговора не было о браке, – оправдывался Михаил.

– У вас, может, и не было, а у меня с Саной такой разговор был, и она согласна выйти за вас замуж. У неё есть своя квартира, Илью мы заберем к себе, будете жить вдвоем в отдельной квартире. Вы, Михаил, станете настоящим москвичом, а я помогу вам по научной части. Так что решайте Михаил – ваше будущее в ваших руках.

Михаил обещал подумать, навестил Сану и рассказал ей о беседе с отцом и его предложениях. Он спросил Сану, откуда её отец знает об их отношениях, но Сана не растерялась и ответила, что об их отношениях Семену Ильичу рассказали соседки по подъезду, которые много раз видели Михаила и Сану вместе. Мол, отец и её спрашивал об отношениях с Михаилом и ей пришлось рассказать всё честно и замуж она согласна.

Михаил примерялся и так, и эдак, и получалось, что иного выхода у него нет, как жениться на Сане. Это своё предложение он и сказал Сане, та согласилась, известила отца и вскоре они зарегистрировали брак, отметили его в семейном кругу – даже мать Михаила не пригласили и Михаил переехал на жительство к Сане, покинув общежитие навсегда.

За этими делами закончился первый год обучения Михаила в аспирантуре и его тесть и научный руководитель Семен Ильич предложил ему перейти на работу в НИИ, где научной деятельностью заниматься более подручно, а в аспирантуре продолжать учиться заочно. Михаил вынужденно согласился, потому что уже полностью зависел от Семена Ильича и его дочери.

Х

Семен Ильич Фалис – тесть Михаила, работал начальником отдела в НИИ агрохимии, одновременно и по совместительству подрабатывая доцентом в сельхозинституте, как кандидат наук.

Вообще-то такое совместительство разрешалось только докторам наук, но для своих людей всегда делаются исключения, а у Сифа, как звала Семена Ильича его жена Ада, свои люди имелись везде и всюду. В этот НИИАХ Сифа и устроил своего зятя Михаила младшим научным сотрудником лаборатории гранулированных удобрений к своему приятелю Арнольду Вагиновичу Рею – начальнику этой лаборатории и тоже кандидату наук. Чем ему предстояло заниматься на новой работе, Михаил представлял достаточно смутно, но по уверениям Сифа, работа предстояла не обременительная и с перспективой самостоятельной научной деятельности в будущем.

Так оно и оказалось: в смысле необременительности – никто к нему потом не приставал с заданиями и поручениями, каждый занимался своим каким-то делом, стараясь не привлекать к этому делу других, что создавало впечатление самостоятельности работы и незаменимости каждого сотрудника лаборатории.

В лаборатории было два научных сектора – так положено в любом НИИ: сектор из нескольких сотрудников, потом отдел или лаборатория из двух – трёх секторов, а затем отделение или направление. Такое устройство НИИ было придумано в СССР, чтобы творческим людям предоставлялась научная самостоятельность и возможность карьерного роста с повышением зарплаты: уже начальник или завсектором имел полную самостоятельность в работе и существенную прибавку в зарплате по сравнению с рядовыми сотрудниками, особенно при наличии ученой степени.

Советская власть, по предложению Сталина, ввела в 50-е годы существенные надбавки к зарплате сотрудникам НИИ, ВУЗов и даже на заводах и фабриках, имеющим ученые степени.

Когда Михаил перешел работать в НИИ, его оклад младшего научного сотрудника был 130 рублей в месяц, но если бы он имел ученую степень кандидата наук – неважно каких, его оклад составил бы 180 рублей; а при наличии 10-ти лет научного стажа работы – и все 250 рублей: то есть почти в два раза больше нынешней его зарплаты.

Соответственно, зарплата докторов наук – профессоров, была ещё в два раза выше и работники науки и профессура ВУЗов были одними из самых высокооплачиваемых категорий работников: больше зарабатывали только шахтеры, металлурги, да ещё, пожалуй, летчики, но у них был тяжелый и опасный труд, а в науке можно было просуществовать всю жизнь, не создав ничего полезного для страны – просто защитив диссертацию и пристроившись в НИИ или ВУЗе или и там и там, одновременно, как сделал Сифа. Именно поэтому, в НИИ и ВУЗах было много лиц ученой национальности – так называли сотрудников – бездельников с учеными степенями: здесь можно было не зарабатывать, а получать, и весьма неплохо.

Шел 1981-ый год и коммунизм в науке для лиц с учеными степенями и званиями уже наступил, как и обещал двадцать лет назад Никита Хрущев: он же не говорил, что коммунизм наступит для всех и навсегда.

Потом, после переворота 1991-го года, очередной коммунизм в России наступил уже для воров, проходимцев и спекулянтов всех мастей, а работники науки стали нищими – как говорится в сельском хозяйстве: каждому овощу своё время.

До смены приоритетов было ещё более 10-ти лет, и работа в НИИ оставалась престижной, а при указанных условиях и хорошо оплачиваемой.

Устраиваясь на работу в этот НИИАХ, Михаил подписал заявление о своём приеме на работу у замдиректора по науке, который ходил с палочкой, сильно прихрамывая. Затем, в отделе кадров, документы приняла женщина с протезом левой руки, а направляясь с молодым сотрудником лаборатории к своему рабочему месту, они встретили в коридоре пожилого мужчину на костылях.

– Что-то много у вас инвалидов работает, – заметил Михаил своему сопровождающему.

– Это ещё не всех ты встретил, – весело отвечал молодой парень, – у нас в АХе, как мы называем свой НИИ, работает более 20-ти сотрудников со справками из психдиспансеров об отклонениях в их психике. Они когда-то обзавелись этими справками, чтобы не служить в армии, а теперь не могут от них избавиться – диагноз был поставлен раз и навсегда, потому что эти болезни не лечатся, даже если их нет. Будь осторожен – такой укусит тебя и потом справку покажет, что он ненормальный – закончил проводник, открывая дверь комнаты, где Михаила ждал его рабочий стол.

В комнате стояли четыре письменных стола, за двумя из которых сидели женщины: лет сорока и двадцати пяти – сотрудницы сектора. За третий стол уселся его проводник – Николай, работающий техником, а четвертый стол был свободен и предназначался Михаилу.

Он представился сотрудникам, познакомился и сказал, что является аспирантом сельхозинститута, но решил работать и учиться или учиться и работать, в общем, как получится.

– Да ладно нам мозги втирать, – сказала женщина постарше, Мария Николаевна, или как она представилась – просто Мария, – ты зять нашего соседа Сифы, как его называет жена Ада. У нас в институте всё про всех известно, ничего не скроешь.

Ты будешь здесь пытаться сделать диссертацию вместо аспирантуры, но на своего тестя не рассчитывай: он не даст тебе защититься и ускользнуть от дочки Саны, если ты об этом мечтаешь. А потому, располагайся здесь надолго и основательно. Место здесь неплохое, работа по желанию, если захочешь, то будет много командировок во все концы страны, кроме тундры. Посмотришь страну и людей.

А сейчас давайте пить чай – проставляться Миша будет с первой полочки, – закончила Мария своё приветствие, и пошла включать чайник, стоявший здесь же на столике в углу комнаты, отгороженным книжным шкафом от взглядов посетителей и от двери.

За чаепитием с печеньем и конфетами, Мария продолжала вводить Михаила в курс институтских дел.

– Наш завлаб Арно, как мы его называем между собой, появляется здесь нечасто и занимается ещё какими-то делами, как и твой тесть Сифа. Вообще, на хлебников в АХе больше, чем в среднем по стране – как и везде в науке. Есть даже стишок такой:

Гоняет крепкие чай
Народ ученой нации
По кабинетам НИИ
Агрохимизации.

Мне эти ученые так и не дают защитить диссертацию уже несколько лет, но ты, Миша, кажется, будешь своим среди них по своей жене Сане и тестю Сифе, а потому, может тебя и пропустят в очередь на защиту, если ты что-нибудь нацарапаешь. Только помогать тебе делать диссертацию, никто не будет: здесь каждый сам за себя, как в джунглях из мультфильма про Маугли.

Наш начальник сектора Дмитрий Устинович Раков, диссертацию не пишет, а крутится при парткоме, выполняя всякие поручения секретаря, являясь партийным активистом и приятелем этого секретаря. С людьми он приветлив, но при случае, продаст с потрохами. Держись с ним тоже приветливо и будь отзывчив на его просьбы, например, подежурить дружинником в пункте содействия милиции.

Зря тебя взяли на работу без его согласия, но он сейчас в командировке и будет недели через две: он в командировке на Кубани, в Сочи сейчас бархатный сезон и хорошо отдохнувший Дима будет без обиды на тебя. Но если будешь делать что-то против его воли, то может затаиться и тогда сживет тебя со света – мстительный и злопамятный он человек. Пожалуй, хватит с тебя для первого раза, – заключила Мария, допивая чай.

– Кстати, институт наш был основан в 30-е годы, когда такие НИИ открывались десятками и сотнями по всей стране, чтобы помогать развитию промышленности и сельского хозяйства. Сначала он назывался НИИ химических удобрений и ядохимикатов и, говорят, что Сталин, подписывая распоряжение об его учреждении, усмехнулся и спросил министра: – А вы подумали, как этот институт будет называться в сокращенном виде? Вижу, что не думали или нарочно дали такое название. Пусть так и остается. Сначала будут писать название полностью, а потом, когда заработают авторитет в сельском хозяйстве, мы этот институт назовём как-нибудь иначе.

– Такая вот притча про наш НИИАХ придумана или была на самом деле, теперь неизвестно. Давай, Михаил, обживайся на новом месте. Николай тебе всё расскажет и покажет. Он работает техником после армии и учится заочно в нашей академии и тебе ровесник – можешь подружиться, он парень надежный.

– Рядом с тобой сидит инженер Ольга, она окончила институт и полгода работает здесь. Успела выйти замуж за сотрудника института и, наверное, скоро уйдет от нас в декретный отпуск, не так – ли, Оля? – спросила Мария, но Ольга покраснела и стала отнекиваться, а Мария, не слушая её, продолжила: – В соседней комнате сидит наш начальник сектора с двумя приближенными к нему сотрудниками. С ними ты познакомишься попозже, – закончила Мария.

Пару недель Михаил бродил по институту, осматривал лаборатории, где сотрудники что-то химичили, растворяли и отвердевали, грели и охлаждали, проводя какие-то опыты и эксперименты. В теплицах и на полях, примыкающих к корпусам НИИ, уже на растениях проверялись и испытывались новые удобрения и ядохимикаты, прежде чем перенести эти опыты для проверки на полях колхозов и совхозов и в опытных хозяйствах, подчиненных НИИ.

Мария посоветовала ему почитать научные труды их НИИ и последние диссертации, защищенные сотрудниками, чтобы составить впечатление о направлениях научной деятельности отделов и лабораторий и уровнях их научных разработок, что Михаил и начал изучать,

прежде чем из командировки появился их начальник сектора: загоревший и хорошо отдохнувший мужчина, лет 55-ти, Дмитрий Устинович.

Знакомство с начальником сектора произошло в натянутой обстановке, потому что Михаила приняли на работу без согласования с ним. Но Михаил сразу проявил угодливость, извинившись, что так получилось: он здесь ни при чём.

Многолетняя привычка Михаила, уважать любого своего начальника помогла ему и сейчас и Дмитрий Устинович, убедившись, что новый его сотрудник, по-видимому, не приставлен к нему, чтобы следить, интриговать и наущничать, отпустил Михаила восвояси – входить в курс дела и посоветовав составить список книг, которые необходимо прочесть, прежде чем приступать к самостоятельной работе.

С помощью тестя, Михаил составил план своей подготовки к работе и приступил к изучению материалов исследований лаборатории за предыдущие годы. Два месяца пролетели незаметно, и Михаил вполне мог приступить к работе, только никто его не привлекал.

Начальник сектора любил бывать в командировках с кем-нибудь из своих приближенных, в институте занимался общественной деятельностью – как и Михаил раньше, и конкретных заданий ему не давал.

Сотрудница Мария давала Михаилу мелкие поручения, которые он выполнял, не сближаясь с ней, поняв, что Мария не в чести у начальства и дружба с ней может навредить ему наладить контакты с руководством.

К исходу третьего месяца пребывания в институте, Михаил сам подошел к начальнику сектора и попросил прикрепить его к кому-нибудь из старших сотрудников сектора для практической работы. Дмитрий Устинович, удивившись просьбе, немного подумал и сказал, сидевшему напротив него старшему сотруднику Федору Федоровичу: – Давай Федор, бери молодого Мишу на прицеп, в помощь по своим делам – и тебе легче, и парень будет пристроен.

Федор Федорович, или, как его называли за глаза – Фэфэ, мужчина предпенсионного возраста, принял пожелание начальника к исполнению и стал давать Михаилу задания на неделю, которые легко можно было выполнить и за один день. Так началась работа Михаила в НИИАХе.

Через месяц Фэфэ взял Михаила в командировку на Алтай, где Михаил своей услужливостью завоевал расположение и признательность, за что Фэфэ взял его под своё покровительство.

Таким образом, работа Михаила в институте вполне наладилась, и он полностью вписался во внутриинститутские взаимоотношения и интриги. В комсомольской работе он уже участия не принимал: комсомольцев в НИИАХе было немного и теплые места в организации все заняты, а вступить в партию – КПСС было невозможно, по причине отсутствия квоты на прием интеллигенции в ряды местной партийной организации.

Михаил вступил в профсоюз и предложил председателю профкома своё участие в работе профсоюзной организации, за что был избран профоргом лаборатории.

Началась рутинная институтская жизнь. Михаил скоро понял, что к самостоятельной научной работе он малопригоден: нет твердых знаний, потому что в учебе он пользовался комсомольскими привилегиями; нет самостоятельности мышления, потому что с детства приучился выполнять пожелания и указания всех от кого зависел – родителей, учителей и руководителей по учебе, работе и комсомолу.

Но оказалось, что способности к научной работе в НИИ совсем не обязательны, Дай бог, чтобы один из десяти сотрудников их НИИ имел склонность и способности к науке: все остальные имитировали научную деятельность, в том числе и его тесть Семен Ильич.

Именно на таких единичных сотрудниках и держался НИИАХ как научная организация, успешно отчитываясь за выполнение планов исследований и разработок, а иногда, даже созда-

вая что-то полезное для сельского хозяйства страны, за что руководители и их приближенные получали награды и премии.

И таких НИИ по всей стране были сотни и тысячи, в них работали на своё благо миллионы сотрудников и все они получали хорошую зарплату, жильё и прочие заботы от государства, у которого на всех псевдочуждых хватало средств, чтобы содержать эту прожорливую рать вечно недовольных деятелей науки, искусства и культуры.

Кажется, сократи количество этих деятелей в 10 раз, оставив только способных, и никто не заметит отсутствия остальных, но такое положение устраивало и действующее руководство страны, которое видело в интеллигенции опору для своей ренегатской деятельности по уничтожению или деформации основ социалистического строя страны – СССР.

XI

В личной жизни Михаила наступили сумерки. Прожив с Саной в браке всего полгода, он понял, что они несовместимы к жизни вдвоем, как несовместимы огонь и вода, земля и небо, не любящие друг друга мужчина и женщина. Его брак с Саной был с самого начала браком по расчёту с обеих сторон.

Сане – молодой женщине с внебрачным ребенком, брак нужен был по настоянию отца для прикрытия грехов юности и уверенного положения замужней женщины в женском коллективе школы, где она работала учителем английского языка.

Для Михаила так и осталось загадкой, как Сане с ребенком, рожденным на втором курсе, удалось закончить институт без перерыва в учебе – видимо помогли вездесущие связи её отца.

Михаилу брак был нужен для получения московской прописки и дальнейшего продвижения, как он надеялся, к успеху и благополучию. Жизнь в общежитии для взрослого мужчины порядком надоела, хотелось домашнего тепла и уюта, а двухкомнатная квартира Саны, пусть и с ребенком, казалось, вполне отвечала его пожеланиям.

Квартира эта досталась Сане от отца. Семен Ильич, защитив диссертацию, стал бороться за улучшение своих жилищных условий. Используя, опять–таки свои связи, он исхитрился получить от НИИ трехкомнатную квартиру, но, непонятно как, сумел оставить дочь Сану проживать в прежней квартире, которую он должен был освободить по закону – видимо и тогда закон был не для всех писан. В этой квартире Сана, оставшись без родительского присмотра, и прижила, неизвестно с кем, ребенка, названного Ильей.

Оформляя брак, Михаил предложил сыграть свадьбу и пригласить на неё свою мать, но ему было отказано и в свадьбе, и в приезде матери. Мол, женщине с ребенком ни к чему играть свадьбу, да и матери Михаила жить будет негде: квартира-то двухкомнатная всего.

Надежды Михаила на домашнее тепло и уют тоже развеялись очень быстро. В быту Сана оказалась неряшливой и не умеющей вести домашнее хозяйство женщиной. Сына Илью она отправила на постоянное жительство к родителям. Её мать, Ада, не работала и могла воспитывать внука без особых хлопот. Сана днями была занята в школе, подрабатывала репетиторством, а потому питались они полуфабрикатами, пельменями и бутербродами – как и в прежней студенческой жизни Михаила.

Но в интимных отношениях Сана не знала меры и постоянно требовала от Михаила мужского внимания, особенно перед сном. Михаил, как мужчина умеренной сексуальности, довольно скоро стал тяготиться супружескими обязанностями, но Сана неукоснительно требовала своего.

Занимаясь с ней сексом, фактически по принуждению, Михаил частенько пытался представить, вместо Саны, свою соседку по поселку, девушку Надю, которую он совратил, приехав домой на летние каникулы после первого курса института.

Почему именно образ Нади помогал ему отвлечься от Саны, Михаил не понимал: может из-за беззаветной преданности девушки, отдавшей ему первое чувство или из понимания того, что Надя, которой он был нужен сам по себе, и должна быть здесь, вместо Саны.

Иногда, такая мысленная подмена Саны на Надю ему удавалась и тогда супружеские отношения с Саной заканчивались к взаимному удовлетворению, но чаще Михаилу не удавалось отвлечься – мешал резкий запах пота, исходивший от Саны, тогда взаимности не получалось и Сана злобно отворачивалась к стене, обзывая его неумелым и никчемным мужчиной.

Михаил однажды сказал Сане, что прежде чем ложиться в супружескую постель, женщина должна зайти в ванную, чтобы быть свежей и благоуханной, чем вызвал взрыв ярости.

– Ты что, хочешь сказать, что я грязная жидовка? – Нет, я говорю, что женщина должна соблюдать гигиену в отношениях с мужчиной, – отвечал Михаил, – так и в журналах пишут.

– Вот со своими журналами и сношайся, а меня учить не надо – тоже мне, деревенский гигиенист выискался. Небось, у себя в поселке или в общежитиях ты мылся раз в месяц, пока чесаться не начнешь, а мне указываешь!

Мне для женского здоровья нужен регулярный и полноценный секс. Не нравится – можешь уходить, держать не буду. Только куда ты пойдешь со своей зарплатой? Так что помалкивай и делай своё дело, если вступил в брак и женщина хочет, – закончила Сана своё выступление.

– Пойми, Сана, я не против секса, – пытался оправдаться Михаил, – только ты, по– моему, хочешь всегда и всюду, а я умеренного темперамента и потому, мои потребности в этом деле не ежедневные. Пару раз в неделю мне вполне достаточно, а после твоих требований я чувствую себя разбитым, как будто прошел пешком километров двадцать по проселочной ухабистой дороге.

– Ничего, пока живёшь здесь, будешь шагать и шагать по этой дороге не сворачивая и не оглядываясь, а иначе ты здесь не нужен совсем, – подвела Сана итог той беседы.

Чтобы оправдать свой брак, Михаил как-то предложил Сане завести ребенка, но был зло и беспощадно высмеян.

– Ты совсем сдурел, – прошипела Сана, – у меня уже есть сын и второй ребенок мне не нужен. И этот-то был не нужен, но так получилось по моей глупости и неопытности, пусть живет у родителей, а там видно будет. Но чтобы второго завести – нет, увольте, больше я, душой не буду. Да и тебе ребенок ни к чему: ты и себя прокормить не можешь – аспирант фиговый. Если лет через десять будешь начальником отдела, как отец, и доктором наук или хотя бы кандидатом и сможешь меня содержать, чтобы я не работала, как и моя мать, тогда и обсудим твоё предложение о ребенке, если мы ещё будем вместе – в чём я глубоко сомневаюсь.

Если бы не квартира, то и ты бы уже сбежал, и я бы от тебя ушла, но пока фамилия Рзаевец звучит лучше, чем Фалис, мы будем считаться мужем и женой и жить в моей квартире, которая, к сожалению, стала нашей общей жилплощадью.

Все эти выяснения отношений Саной случились в первый год из брака, а дальше его чувства стерлись, хорошие и плохие, и остались только привычки: привычка приходить сюда с работы; привычка спать рядом с женщиной, которая так и осталась совсем чужой; привычка исполнять супружеские обязанности; привычка наводить порядок в квартире; привычка по праздникам ходить в гости к родителям Саны, изображая там благополучную пару и ещё много бытовых и повседневных привычек из которых и сложилась бессмысленная жизнь Михаила в стольном городе Москве.

XII

Такой жизни прошли два года. Михаил условно закончил аспирантуру. Так и не начав писать диссертацию, но пересидев в аспирантуре призывной возраст в армию. На работе в

НИИАХе он вполне освоился, и наловчился писать отчеты о проделанной работе, списывая и компилируя результаты из аналогичных работ прошлых лет.

Он освоил, также, искусство поездок в командировки, как дополнительный оплачиваемый отпуск и даже завел пару любовных интрижек в отдаленных краях страны с местными агрономшами, польстившихся на заезжего столичного научного сотрудника. Пока ещё младшего, но с ближайшей перспективой стать старшим: его куратор – Фэфэ, уходил на пенсию и место с.н.с., по – справедливости, должно было достаться Михаилу.

Неожиданно, в их секторе появился новый сотрудник – Борис Олегович Шенник, кандидат наук, около 50-ти лет, который выскочив неизвестно откуда, занял освободившееся место Фэфэ, вопреки желанию начальника сектора Ракова.

Берись, как его окрестил техник Николай, успевший окончить институт и рассчитывавший занять место Михаила, установил свой распорядок рабочего дня. Утром он приходил в положенное время, вешал пиджак на спинку стула и тотчас исчезал в неизвестном направлении. Минут за двадцать до окончания рабочего дня, Берись появлялся на своем месте, одевал пиджак и, сказав всем «до свиданья», покидал стены института на глазах своего непосредственного начальника – Ракова.

По стране, в это время разгоралась борьба за дисциплину, которую инициировал тогдашний руководитель Андропов. В местах отдыха, в кинотеатрах, кафе и просто на улице, милиционеры могли проверить документы, справиться о месте работы, проверить эти сведения и, если этот человек в данное время числился на работе, то посылалось письмо на работу с предложением наказать сотрудника и его начальника и сообщить о принятых мерах по наведению дисциплины.

Начсектора Раков, опасаясь за себя, предложил Шеннику отпрашиваться у него с работы, если нужно, и записываться в журнал местных командировок, чтобы избежать неприятностей. На это предложение Берись ответил отказом: он кандидат наук и сам планирует свою деятельность, а всякие неучи, типа начсектора без ученой степени, ему не указ.

Ответ был дан при посторонних, авторитет Дмитрия Устиновича был растоптан и он, полный жаждой мщения, начал методическую облаву на своего непокорного сотрудника.

Каждое утро рабочего дня, он давал Берисю задание на день – под расписку. Если тот уходил, привычно повесив пиджак на спинку стула, Раков составлял протокол отсутствия с подписями ещё двоих сотрудников, одним из которых всегда был Михаил.

Набрав несколько протоколов, где Берись отсутствовал более трёх часов подряд, Раков организовал ему выговор по институту, потом строгий выговор, за которым должно было последовать увольнение.

Почувствовав неладное, Шенник спрятался на лечение в клинику неврозов: там лечили слабые душевные расстройства и, за деньги, врачи прятали бездельников. И тут отличился Михаил: через сотрудников отдела он узнал, что в институте есть группа людей, которые в выходные дни подрабатывали в турагентстве – сопровождающими авиа– экскурсии по городам и республикам СССР. Оказалось, что в этой группе подвизался Шенник, сопровождая экскурсию в Самарканд и одновременно находясь на излечении в клинике, откуда он отпросился домой на выходные дни.

Михаил доложил о своем открытии Ракову, тот взял справку в турбюро о поездке Бериса в Самарканд, потом поехал в клинику и там, прижав лечащего врача, взял справку о том, что Шенник самовольно покинул клинику и его бюллетень аннулирован.

Когда Берись появился в НИИ после клиники и предъявил бюллетень к оплате, Раков подал рапорт на его увольнение за прогулы в дни лечения. Начлаб Рей и прочие лица ученой национальности, просили Ракова отпустить Шенника по собственному желанию. Но Раков был непреклонен: в то время, когда партия борется за дисциплину на предприятиях, он не намерен

покрывать прогульчиков и напишет в министерство, если руководство института не наведет порядок в НИИ.

Шенник был уволен за прогулы, подал протест в суд, но потерпел поражение при «железных» доказательных документах, представленных Раковым. Это был первый и единственный случай в жизни Михаила, когда изворотливый представитель научного племени был одолен методическим напором неуча.

В итоге этой борьбы и за содействие в победе, Михаил был назначен на освободившуюся должность старшего научного сотрудника с окладом в 190 рублей, что по тем временам и для его возраста было совсем неплохо.

Впереди через несколько лет светилась должность начсектора: Раков должен был уйти на пенсию в 60-т лет – тогда научных сотрудников не имеющих ученой степени отправляли на пенсию в установленный срок, чтобы продвигать вперед более молодых, однако, ученые со степенями могли работать сколько пожелают, пока окончательно не выживут из ума.

Михаил был молод, услужлив и предупредителен к начальству и при поддержке тестя вполне мог претендовать на должность начсектора, когда она освободится естественным путем: то, что Михаил слабо разбирался в научных проблемах и не имел собственных идей, не имело в те далекие времена уже никакого значения – в СССР 80-ых годов в науке, стараниями лиц ученой национальности, зарплату платили за место, а не за знания и достижения, приносящие пользу стране.

К заслугам Михаила относилась и его активная работа в профсоюзе: он возглавлял профбюро отдела, организовывал сотрудников для работы на овощных базах, участия в спортивных мероприятиях и чествовании юбиляров, распределяя бесплатные путевки в санатории, дома отдыха и пионерские лагеря.

Особенно ему удавались дежурства в милиции дружинником, когда он с удовольствием подписывал протоколы о хулиганстве подвыпивших людей. С особым рвением он помогал милиции в выявлении молодых людей, уклоняющихся от службы в армии. Сам, уклонившись от армейской службы в аспирантуре, он непримиримо выявлял уклонистов. Частенько, сказав Сане, что идет патрулировать дружинником, Михаил приходил в своё отделение милиции, где его хорошо знали, брал адрес призывника, который не явился на сборный пункт, и часами дежурил в подъездах, ожидая появления уклониста. Когда тот, наконец, появлялся и заходил в квартиру, Михаил звонил по таксофону в милицию, сообщая о появлении призывника.

Подъезжала милиция, забирала уклониста, а Михаил удовлетворенно наблюдал со стороны, как растерянные родители умоляли отпустить единственного сына домой: в то время шла война в Афганистане и многие боялись потерять единственного ребенка.

Но уговоры не действовали, парня увозили на сборный пункт и Михаил, довольный выполненным делом, возвращался домой к Сане, ожидающей исполнения им своих супружеских обязанностей – несмотря на все их разногласия, в этом вопросе Сана была непреклонна.

После удачного отлова призывника, Михаил ощущал прилив энергии, и его общение с Саной проходило комфортно и в хорошем ритме.

Борьба за дисциплину закончилась со смертью Андропова – очередного престарелого руководителя страны и жизнь предприятий и организаций вернулась в привычное русло борьбы за выполнение производственных планов и оформление итогов этой борьбы.

Трудовую деятельность в должности с.н.с. Михаил планировал уже сам, изредка докладывая начсектору об итогах этой работы. Всю текучку он поручил своему преемнику на прежней должности – Николаю, который вполне успешно прикрывал безделье и научную импотентность Михаила.

Лаборатория Михаила, как уже говорилось, состояла из двух секторов: научного и экспериментального. Экспериментальный сектор представлял собой химическую лабораторию, где химудобрения смешивались, растворялись и снова отвердевались, превращались в пыль или

гранулы и потом вносились в землю на опытных делянках неподалеку от корпусов НИИАХ, где проверялась эффективность этих удобрений, после чего писались методики их применения для различных сельхозкультур и для различных регионов страны. Так вот, экспериментальный сектор находился в другом корпусе и, сказав начсектору, если он присутствовал, что завтра будет работать в лаборатории, Михаил мог спокойно заниматься домашними делами или, например, съездить на ближайший городской пляж и отдохнуть в своё удовольствие поглядывая на ладные фигурки девушек – если, конечно, было лето и позволяла погода.

– Да, НИИ это хорошее место работы, – думал иногда Михаил, лежа на пляже и провожая взглядом проходящих мимо девушек с округлыми формами. Фигура Саны преждевременно оплыла после рождения ребенка, а потому стройность девичьих тел была особенно привлекательна при их сравнении с Саной и, конечно, не в её пользу.

Своим браком с Саной он давно уже тяготился. Завести любовную связь в институте, как это практиковалось среди сотрудников, он не решался, зная, что это будет мгновенно известно его тестю, а искать приключения на стороне не имело смысла по причине отсутствия у Михаила уединенного жилого уголка для тайных встреч и расставаний.

Насмотревшись на пляже на стройных девушек, и вернувшись домой в положенное время, Михаил с ещё большим неудовольствием исполнял супружеские притязания Саны, проклиная в душе тот день и час, когда свою свободу он обменял на квартиру Саны и московскую прописку.

– Стал я москвичом, ну и что? – думал иногда Михаил, удобно устроившись на диване перед телевизором в отсутствие Саны, – смотрю телевизор, как в поселке мать смотрит ту же программу. В театр или кино почти не хожу – с Саной не хочется, а без неё нельзя.

Друзей нет и не будет здесь никогда, а приятельские отношения на работе нельзя считать дружбой. Дома постылая жена по расчету, и избавиться от неё никак нельзя – тогда весь расчет и прожитые годы напрасны. Даже работа, вроде бы вполне благополучная, зависит от расположения тестя: избавлюсь от Саны, наверняка, лишусь и работы. Если бы получить ученую степень, тогда можно и взбрыкнуть, но тесть помогать в этом вопросе мне не хочет – видно чувствует, что со степенью я уйду из-под его опеки, а сам я ничего путного в науке сделать не смогу, это факт, как ни обидно признавать это.

И на решительный поступок я не способен – это тоже факт. Так что лежи Миша на диване и не рыпайся, пусть всё идет своим чередом, может как-то само собой и образуется хорошая жизнь – надо только подождать, – успокаивал себя Михаил и прекращал эти бесполезные размышления, заслышав стук двери от входящей Саны.

Жили они по-прежнему вдвоем: Илья – сын Саны, постоянно проживал у её родителей, с тех пор как Сана вышла замуж за Михаила. До этого времени Сана самостоятельно растила сына, и её родители даже на выходные дни не брали внука к себе, опасаясь, что Сана, оставшись без забот о ребенке, не дай бог, приживет ещё дитя от появляющихся в её квартире мужчин, заботящихся только о сексуальном здоровье Саны.

С появлением Михаила в квартире Саны на постоянной основе, положение изменилось, и родители Саны полностью посвятили себя выращиванию внука в лучших интеллигентских традициях. В детсад Илья ходить перестал: зачем, если бабушка Ада не работает и не обременена другими делами, кроме забот о внуке. Когда Илья пошел в школу: не простую, а физико-математическую с углубленным изучением английского языка, в доме появились репетиторы по математике и языку, а одновременно, Илюша стал посещать музыкальную школу, осваивая игру на скрипке.

Принято считать, что отпрыски интеллигентов имеют повышенные способности к научному логическому мышлению и музыке, а потому, родители Саны всячески старались развить во внуке эти способности.

Конечно, дети в ученой семье точно такие же, как и в других семьях, но методичное воспитание усидчивости и послушания дает свои результаты, а развитие способностей к абстрактному мышлению дает способность во взрослой жизни к абстрактному труду в науке и искусстве, где, зачастую, невозможно получить или оценить результаты труда без профессиональных толкователей – оракулов, которыми являются, конечно, такие же выходцы из интеллигенции.

Именно поэтому, выходцы из интеллигентных семей в любом обществе и государстве занимаются, преимущественно, не материальным производством, а абстрактной деятельностью в науке и искусстве или торговле, также требующей математических расчетов и расчетливого обмана. Поэтому, Илья рос под плотной опекой бабушки и дедушки, называя их по именам: Сёма и Ада, и обращаясь к своей матери, когда она появлялась у родителей, исключительно на «вы».

К Михаилу сын Саны относился вполне равнодушно, как к постороннему человеку, и подчеркнуто вежливо. Сана иногда водила Илью в цирк или театр на детские представления, но всегда без Михаила, да и он не стремился сблизиться с мальчиком и завоевать у него авторитет отца. Отцовским авторитетом у Ильи пользовался дедушка Сёма и пользовался вполне успешно и безоговорочно.

Михаил, проживая вместе с Саной в её квартире, приспособились не замечать и не раздражать друг друга без необходимости: спали они в разных комнатах, завтраки и ужины, обычно, собирал на стол Михаил, не обременяя Сану домашними женскими обязанностями, к которым она относилась тоже неприязненно – это касалось и стирки и уборки квартиры.

Смотреть телевизор тоже было удобнее врозь: хотя программ ТВ и было всего четыре, но каждый из них стремился смотреть что-то другое, и два телевизора в разных комнатах решили и эту проблему.

Иногда, но уже не каждый вечер, Сана приходила в комнату к Михаилу, чтобы поправить своё женское здоровье, что тот и делал исключительно из чувства супружеского долга. Зная темперамент Саны, он вскоре почувствовал, что у неё имеется какая-то связь на стороне, но это его несколько не огорчило, а напротив принесло облегчение в обязательствах перед Саной за жилье и прописку, о чём она частенько напоминала ему – чтобы не забывался, примерно так:

– Закончив аспирантуру без защиты диссертации, ты бы давно уже прозябал преподавателем сельхозинститута: где-нибудь в провинции, по распределению, – говорила Сана всегда, при очередных вялых их перебранках из-за какого-нибудь пустяка. Если супруги равнодушны друг к другу, но проживают вместе в небольшой квартире, вынужденно общаясь между собой по бытовым вопросам, то любое разногласие есть повод для бытовой ссоры с перечислением постоянного набора аргументов.

На этот аргумент Саны, он неизменно отвечал, что своей женьбой прикрыл грех Саны, взяв её в жены с ребенком неизвестно от кого. На этом их ссора обычно заканчивалась, и каждый уходил в свою комнату, плотно закрыв двери, а супружеская постель в эти вечера не образовывалась.

Михаил помнил, как примерно через год после своего брака с Саной, он случайно, в её отсутствие, обнаружил на трюмо конверт с письмом Сане от какой-то Инны, и прочитал его. Компьютеров тогда не было, и снять копию не представлялось возможным, но содержание письма он запомнил почти дословно. Вот это письмо:

«Здравствуй Саночка! Сколько мы не виделись? Больше 4-х лет, наверное. Как ты знаешь, мы с Изей три года назад уехали в Израиль и живём теперь в Тель-Авиве. Вернее, Иزيا уехал в Израиль и утащил меня за собой.

Пару лет мы здесь пристраивались по-удобнее. Сначала были сложности, и мы жили на пособие, но сейчас всё наладилось. Живем в арендованном доме, где три спальни и ещё три комнаты.

Изя устроился преподавателем в университете: читает лекции и ведет занятия, а во второй половине дня едет в лабораторию какую-то, где подрабатывает по научной части.

Целыми днями он на работе – устает страшно и мне его жалко, но здесь, чтобы жить прилично, надо работать: вокруг такие же ловкачи и халтура не проходит как в Москве.

Изе уже за сорок, работает на двух работах, поэтому насчет секса у нас очень редко бывает. В основном, по выходным, когда ездим к морю отдохнуть. Здесь всегда жарко и поэтому лучше сидеть дома под кондиционером, чем куда-то ездить.

Изя купил машину в рассрочку – иначе ему невозможно быть на двух работах в разных концах города. Он хочет ребенка – наверное, придется уступить: здесь на детей платят хорошее пособие.

А пока я время провожу так: утром отправляю Изю в университет, потом посплю ещё немного, приходит ассистент Изю – ему двадцать пять лет, мы позанимаемся сексом, затем он везёт меня в магазин за покупками или на рынок за овощами – фруктами, а сам отправляется в университет помогать Изе.

Я схожу в бассейн в нашем квартале, поплаваю и отдохну потом дома. После обеда, обычно заходит Абрам, ты его знаешь – мы с ним бывали у тебя, когда ты кувыркалась с Ильей, который сделал тебе ребенка и смылся. Но об этом потом.

Абрам работает на госслужбе – это самое выгодное здесь занятие: платят хорошо и много свободного времени. Мы с ним тоже позанимаемся сексом, он уходит, а вечером возвращается с работы Изя совсем уставший – жалко его до слёз, наверное, буду рожать ребенка: только бы не ошибиться от кого он будет.

Да, чуть не забыла. Пишу я тебе, Сана потому, что недавно и случайно, встретила здесь твоего Илью – оказывается он раньше нас уехал в Израиль, потому и исчез от тебя. Я ему сказала, что у тебя ребенок от него и зовут Ильей. Он чуть не заплакал от радости – лет-то много, а детей, как он сказал, нет. Илья говорил, что свяжется с тобой и обсудит, как ему помогать своему сыну. Так что ты не теряйся и проси у него по максимуму: он, видно по всему, живет хорошо и обеспечен.

Пожалуй, всё. Как видишь, и в Израиле умная женщина может устроиться при муже достаточно комфортно.

Целую. Инночка.

P.S. Часто вспоминаю, как мы кувыркались у тебя в квартире: ты с Ильей, а я с разными, пока не появился Изя. Помнишь, как Илья привел с собой друга: такого здорового, звали Саша? Ох и здоров он был до секса! Я иногда вспоминаю его – так даже стонать хочется, как под ним.

Пока, пока».

Михаил, прочитав письмо, хотел устроить скандал Сане, но передумал: Сана устраивала эти свидания ещё до него, подруга Инна была далеко в Израиле, там же был и прежний любовник Саны – отец её ребенка, а потому, всё это в прошлом и его не касается. Но часто потом, страдая от зверского темперамента Саны, он вспоминал это письмо и понимал, что его жена Сана такая же неутолимая в сексе, как и её далекая и развратная подруга Инна.

ХIII

Прошло два года. На работе у Михаила случились давно ожидаемые перемены. Начсектора Раков ушел на пенсию вместе со своим приближенным сотрудником и Михаил, при поддержке профкома, занял должность начальника сектора с окладом в 240 рублей. Конечно, не бог весть что, но ему едва минуло тридцать лет, и это был хороший результат для приехавшего на учебу из провинции в столицу и не имеющего связей, одинокого молодого человека.

На освободившиеся в секторе вакансии, он пристроил своего сослуживца Николая. Взял молодого специалиста – выпускника академии и взял переводом, по протекции директора, сотрудника соседнего отдела, хотя такие переводы внутри НИИ не поощрялись и даже запре-

щались: легче было перейти в другое подразделение через увольнение, чем переводом по согласию начальников отделов.

Хорошего и грамотного сотрудника его начальник не отпустит, а плохого никто не возьмет в другое подразделение. Цена каждого сотрудника была хорошо известна в НИИ всем начальникам.

Проведя комплектацию и подбор сотрудников, Михаил имел теперь возможность заняться написанием своей диссертации: не самому, конечно, а с помощью сотрудников, которым можно было поручить разработку темы, подбор материалов и их оформление взамен на данное им повышение в должностях и зарплатах. Такая практика была принята в столичных НИИ: заняв начальствующее место заставить своих подчиненных работать на себя за счет государства.

В каждом столичном НИИ ответственность за работу и её результаты возлагалась на исполнителей, которые так и назывались: ответственный исполнитель, а если результаты работы оказывались удачными, то поощрения в виде премий и наград доставались директору и начальнику ответственного исполнителя, хотя кое-какие крохи перепали иногда и рядовым работникам, обеспечившим успех дела.

Михаил с помощью тестя, который наконец-то решил помочь зятю в науке, составил план своей диссертации и, распределив задания между своими подчиненными, уехал в отпуск на родину к матери, одиноко проживающей в поселке.

Отца не было в живых уже много лет, сестра, которая и позвала мать сюда на жительство, умерла тоже одинокой, а больше никаких родственников у матери в поселке не было.

Решение Михаила съездить к матери было связано с его повышением в должности. Теперь можно и прихвастнуть среди знакомых поселчан своим московским положением, конечно, без подробностей. Как и все посредственные люди, Михаил был тщеславен, но скрывал это.

Сана, как всегда, в отпуск с ним не поехала, да он и не предлагал. К этому времени, они окончательно обособились в личной жизни – даже перестали вступать в отношения: по-видимому, Сана нашла утешение где-то на стороне, что при её занятиях репетиторством учеников английскому языку было совсем нетрудно.

Она говорила, когда считала нужным, что идет на дом давать уроки, а если ученику лет сорок, то это детали и ещё вопрос: кто из них и чему учит на этих уроках. Но Михаил и не интересовался такими подробностями – положение брошенного мужа его вполне устраивало, и он надеялся, как и Сана, завести связь на стороне, но так, чтобы не узнал тесть.

Однако, и для тестя у него теперь были аргументы: с год назад, Сана вступила в переписку с отцом своего ребенка, который проживал в Израиле. Михаил случайно увидел письмо, вынимая газеты из почтового ящика, и догадался, что это тот самый Илья, о котором писала Инна, боевая подруга Саны по московским годам их разгульной жизни.

С тех пор, он неоднократно видел письма из Израиля в почтовом ящике, но не забирал их, а обыскав квартиру в отсутствие Саны, нашел целую пачку этих писем и узнал, что отец ребенка Саны приглашает её приехать: погостить вместе с сыном или, если это невозможно, то пусть она даст ему вызов и он сам приедет в Москву, чтобы увидеть своего сына и обговорить своё участие в его судьбе.

Михаил знал, что тесть ничего не ведает об этой переписке Саны с Израилем, потому что у него могли быть из-за этого неприятности на работе. В те годы, евреям разрешалось уезжать на постоянное жительство за границу с лишением их советского гражданства, но связь с уехавшим наказывалась, особенно в научных учреждениях и, особенно, для руководителей, а тесть был и ученым и руководителем.

Поиски разумной женщины для постоянной связи на стороне, Михаил отложил на потом – после отпуска.

Поселок встретил Михаила привычной тишиной и размеренным образом жизни его обитателей. Внешне, поселок сильно изменился: построили новый кинотеатр в центре, главные улицы покрылись асфальтом, хорошие дороги связали поселок с райцентром и далее, а потому, жители поселка могли легко добраться на автобусе или личном транспорте и в район и в край, как здесь говорили.

Из благоустройства, новым было наличие канализации, благодаря чему в центре построили несколько пятиэтажек, да и в домах на две квартиры – подобных квартире матери, их жители стали обустраивать ванны, приспособливая и утепляя для этих целей чуланы или делая пристройки к дому.

Одинокой матери Михаила, сделать подобное благоустройство было не по силам, и Михаил твердо обещал, через год – два сделать матери ремонт квартиры с обустройством ванной и, конечно, не исполнил своего обещания.

Его мать – Мария Ивановна, год как вышла на пенсию и одиноко коротала время: зимой у телевизора, а летом копаясь в огороде, разбитом на небольшом приусадебном участке, где, бывало, любил поработать и отец.

В первые дни приезда, мать сводила Михаила на поселковое кладбище, на могилу отца. Могила отца была тщательно ухожена, с железной пирамидкой, вместо памятника, крашеной суриком, которую изготовили второпях в автоколонне такие же шофера, как и отец. Мать хотела настоящий памятник из камня, но средств на его изготовление и установку у неё не было, а к Михаилу мать даже не обращалась, зная его непростое положение в Москве.

Михаил положил пару цветков на могилу отца и твердо пообещал матери, вскоре установить хороший памятник, что исполнил, но много позже и неожиданно, даже для себя.

В этот свой приезд, Михаил много похвалялся матери о своих успехах в Москве, много обещал, а мать молча и грустно слушала своего сына: она ждала внуков и хотела жить вблизи сына – но именно этих обещаний мать так и не услышала от Михаила за всё время его проживания на родине.

Михаил же, воодушевленный своим успехом в Москве, бродил по поселку, навещал своих бывших одноклассников, из тех, кто ещё оставался в поселке и даже навестил своего приятеля Юрия, который окончив заочный институт, работал в ближнем совхозе уже в должности главного инженера хозяйства.

Впрочем, встреча друзей была краткой: Юрий был занят подготовкой техники к осенней уборочной страде, а дома его ждали жена и двое маленьких сыновей. Юрий просил Михаила остаться до вечера, когда он освободится и сможет спокойно посидеть с другом, поговорить и вспомнить детство, а переночевав у него, Михаил сможет утром вернуться в поселок – машину ему Юрий обеспечит. Но Михаил не захотел остаться и, побеседовав с часок, он маршрутным автобусом вернулся в поселок.

Приехав к другу детства похвалиться своими столичными успехами, Михаил увидел взрослого уважаемого человека, целиком поглощенного работой и имеющего хорошую семью с детьми, авторитет у подчиненных и твердое положение в крупном совхозе, где трудилось более тысячи человек. А у него в Москве всего пять человек в подчинении с непонятными обязанностями, и он приехал сюда хвастать своими успехами, что было совсем неуместно.

Днями стояла жаркая погода, и Михаил проводил время на пруду, одиноко загорая под солнцем на расстеленном у самого берега покрывале, которое, как он помнил, в детстве брала с собой мать: в их приезды на пруд вместе с отцом в выходной день на мотоцикле на это самое место. Сейчас, в будние дни взрослых на пруду не было – люди занимались работой и усадьбой, а стайки ребятишек прибегали на пруд, купались и убегали, как и он в детстве, по каким-то своим и, безусловно, важным делам.

Повалявшись у пруда, он возвращался домой, где мать потчевала его на обед окрошкой на домашнем квасе и каким-нибудь мясным блюдом: чаще всего котлетами с картофельным

пюре на гарнир. Послеобеденный отдых он проводил на диване в бывшей своей комнате, где мать поставила телевизор, который уже много лет заменял ей домашнее общение с родственниками, которых не было.

Полежав пару часов на диване и переждав дневную жару, Михаил обычно, шел прогуляться в центр поселка городского типа, как он именовался по статусу в официальных бумагах, в том числе и в его свидетельстве о рождении.

Мать поручала ему сделать кое-какие покупки продуктов, которые можно было сделать и в ближайшем магазине, но Михаил шел в центр поселка в универсам, вспоминая, как он гонял в детстве по поселку на велосипеде, упиваясь скоростью и ветром. Однажды, он так разогнался, что не справился на повороте и с размаху врезался велосипедом и головой в телеграфный столб на обочине.

От удара головой он потерял сознание: к нему подбежали прохожие, приподняли и посадили на скамейку у дома, а он, обводя их помутневшим взглядом, бормотал что-то о сломанном велосипеде и чтобы не говорили его родителям об этом происшествии. В итоге, всё обошлось: он не получил серьезной травмы головы или сотрясения мозга, а погнутое велосипедное колесо ему отремонтировал старший брат соседского приятеля, с которым они и гнали на велосипедах в тот день.

Сейчас среди мальчишек, велосипед стал не так популярен, как в его детстве, а взрослые предпочитали мотоциклы и автомобили, которые были, наверное, в каждой второй семье их поселка.

Покупая продукты по заказу матери и в небольших количествах, Михаил обратил внимание, что цена многих товаров здесь была выше, чем в Москве, хотя, казалось бы, должно быть наоборот. Мать пояснила ему, что большинство товаров здесь реализуется через местную потребительскую кооперацию, которая свои товары продает с наценкой около 25% к розничным государственным ценам. Но в магазинах бывают и товары по государственным ценам, только их надо застать, потому что большинство жителей стремятся купить именно по государственным ценам, а не потребительским.

Так, сельские жители, которые кормят горожан, сами приобретают продукты питания, в основном, по повышенным ценам через кооперацию. Такая же ситуация была и с промышленными товарами, но заработки сельчан вполне компенсировали их неравенство с горожанами относительно цен на потребительские товары и продукты.

Дело в том, что в стране СССР все годы его существования проводилась политика единых цен для всех регионов и республик страны, с небольшими наценочными коэффициентами для отдаленных районов Дальнего Востока и Крайнего Севера, где применялись наценочные коэффициенты и для зарплаты всех категорий работающих.

Поэтому, все работающие были в равных условиях, кроме сельских жителей, где единственный магазин на деревню принадлежал потребительской кооперации и, соответственно, торговал по ценам этой кооперации.

Михаил, не обращая внимания на цены покупал продукты потребительской кооперации, чем вызывал неудовольствие экономной матери. Она привыкла жить долгие годы, после смерти мужа, на небольшую зарплату бухгалтера автобазы, куда перешла из кооперации, и где работал шофером отец Михаила, до нелепой гибели, врезавшись на своей легковой машине в трактор, который управлялся пьяным трактористом.

В итоге, мать стала сама ходить в магазин до конца пребывания Михаила на родине, к которой, впрочем, он не испытывал особенной привязанности, считая себя москвичом.

Вечерами Михаил ходил в новый кинотеатр, который построили после его отъезда на учебу, неподалеку от старого кино, куда он бегал мальчишкой и подростком в воскресенье на детские и юношеские фильмы.

Посещение кино оставалось традицией поселчан на протяжении многих лет. Телевизоры были в каждом доме и квартире, но ТВ ещё не застило свет в окошке и не стало единственным средством досуга людей здесь в поселке, а потому, большинство жителей регулярно ходили в кино на все новые фильмы.

Особенным успехом пользовались индийские фильмы с песнями и плясками и всегда благополучным завершением мелодрамы для её участников. Такой фильм шел два – три дня или больше, пока все желающие не посмотрят его. Сеансов было три: в пять, семь и девять часов вечера. На пятичасовой сеанс ходили подростки и пожилые, на семь часов – молодежь, а на девять часов, в основном, семейные пары.

Перед каждым сеансом площадь перед кинотеатром заполнялась людьми, прогуливающимися в парке и угощавшимися мороженым и лимонадом, которые продавались в двух киосках, а после сеанса зрители не торопясь расходились в разные стороны, иногда обсуждая с попутчиками – соседями просмотренный фильм.

Но ТВ сериалы уже отвлекали часть сельчан от посещения кино: в восьмом часу, обычно, начиналась очередная серия, а поэтому, и на семь и на девять часов нельзя было сходить в кино, не пропустив сериал. Так ТВ, постепенно отучало людей от кино, рассаживая их по диванам в домах и квартирах перед экранами телевизоров.

Во время отпуска Михаила, сериалов на ТВ не наблюдалось и в теплые летние вечера, народ, как и прежде, во времена его юности, толпился вечерами у кинотеатра, а молодежь в субботний вечер, выйдя из кино, устремлялась в парк на танцплощадку, где местный ансамбль играл и пел модные песни.

Михаил зашел как-то вечером на танцплощадку, постоял в сторонке и убедившись, что он практически единственный здесь взрослый среди подростков, и юных пар, потихоньку ретировался с этого места развлечений юных сельчан.

Иногда, прогуливаясь перед кино, Михаил встречал своих одноклассников и знакомых с которыми вступал в короткие беседы о житье – бытье здесь и у него в Москве. Оказалось, что местная жизнь сельчан более насыщена, чем у него в Москве различными мероприятиями: кино, клуб, стадион и гости.

В новом кино, как называли сельчане кинотеатр, был просторный зал с большим экраном и можно было, удобно расположившись, посмотреть фильм не одному у экрана телевизора, а среди сельчан, многих из которых он помнил в лицо, позабыв их имена и обстоятельства знакомства, кроме, конечно, одноклассников, оставшихся жить в поселке после окончания школы.

Михаил зашел, однажды, в гости к однокласснику, по его приглашению, и это посещение вызвало смутное ощущение неполноценности его собственной жизни в Москве.

Одноклассник по имени Сергей, жил в просторном доме – особняке, построенном с помощью родителей собственными силами. В усадьбу входили: баня, сарай с мастерской и гараж, выходящий воротами на улицу, в котором стоял автомобиль «Жигули». В особняке из четырех комнат, кухни, подсобного помещения с подвалом и обширной веранды проживала семья Сергея, включавшая жену и двух мальчиков погодков: пяти и шести лет. Жена Сергея работала учительницей, окончив педагогический институт, а сам Сергей не имел никакого образования, кроме школы, и работал слесарем – ремонтником на автобазе, где когда-то работал шофером и отец Михаила.

Пригласив Михаила в гости, Сергей истопил баню, в которой они с удовольствием попарились, хотя с непривычки, Михаил потом долго не мог отдышаться от жару, постоянно покрываясь потом и вытираясь полотенцем на веранде, где жена Сергея приготовила обширный и вкусный ужин.

Угостившись и попивая холодный домашний квас, Михаил вкратце рассказал о своей жизни в Москве и из его рассказа, без опущенных им деталей, получалось, что он живет благополучно, достигнув больших успехов и в работе и в её оплате.

Сергей же, неторопливо, как и принято здесь в поселке, рассказал, что не захотел никуда поступать учиться, отслужил армию, где получил специальность водителя машины пехоты – БМП и, вернувшись в поселок, стал работать автослесарем: это спокойнее, чем шоферская жизнь, а оплачивается почти одинаково, если работать с головой и не выпивать – это главное условие благополучной сельской жизни.

Жена Сергея поставила, конечно, на стол бутылку водки, но Михаил отказался, объяснив причину, а Сергей, выпив пару рюмок, не проявил дальнейшего интереса к водке и тоже перешел на квас.

Жена Сергея – спокойная и доброжелательная женщина неброской русской красоты, вышла с веранды, чтобы не мешать разговору мужчин, и занималась во дворе с детьми, которые возились на асфальте с машинками, как в детстве и Михаил, сопровождая свои игры громкими спорами.

Глядя на эту спокойную и сплоченную семью, живущую обычной и вполне обеспеченной жизнью, Михаил особенно остро ощущал бестолковость и пустоту своей московской жизни в погоне за успехом и мещанской зажиточностью.

– Что толку в моих продвижениях по службе и зарплате, если нет семьи, нет друзей и нет даже увлеченности работой – как пишут в книгах об ученых, художниках и людях редких и отважных профессий, например, летчиках, – думал Михаил, вытирая пот, выступающий после бани и холодного кваса и глядя на жену Сергея, играющую с детьми под окнами веранды.

Сергей сидел, развалившись на диване, и было видно по всему, что он вполне доволен жизнью, которая ему удалась без погони за образованием и должностями, здесь, на родине среди знакомых спокойных и благожелательных односельчан.

Разговор однокашников, незаметно и как всегда, перешел на политику. Весной этого года к власти в стране пришел молодой и энергичный генсек Горбачев и, первым делом, ограничил продажу водки.

Сергей был малопьющий, но теперь, при всяком удобном случае, покупал водку и складывал бутылки в подвале, похвалившись перед Михаилом, что накопил уже два ящика этого русского напитка.

Михаил, как всякий непьющий, уже давно нашел аргументы в свое оправдание трезвости перед застольными компаниями и объяснил Сергею, что никаких традиций употребления водки среди русских не было и этот напиток стал распространяться в стране при царе Петре 1, который сам беспробудно пьянствовал и приучал к пьянству своё окружение, а через них и прочий люд – вот откуда пошло пьянство на Руси и правильно сделал Горбачев, что ограничил продажу водки.

– Может оно и правильно, только мужики на работе стали подолгу отлучаться, чтобы, постояв в очереди у магазина, взять две бутылки водки, что продают в одни руки – они стоят в очередях и их работа тоже стоит.

Горбачева у нас зовут «Меченым» из-за родимого пятна на лбу. Бабки говорят, что Антихрист пришел и отметина на лбу – это черт копытом ударил, а мужики толкуют между собой, что не с того конца взялся Меченый управлять страной: царь Николашка в Империалистическую войну тоже ввёл сухой закон и страна развалилась: как бы сейчас такого не случилось.

Меченый из комсомола пролез в партию и добрался до власти, а сам никогда реальным делом не занимался. Ты, Михаил тоже в школе комсомолом правил и знаешь, что там одни проходимцы сейчас собрались.

– Нет, нет – я не согласен с тобой, – возразил Михаил, – Горбачев молод и энергичен, встряхнет страну после правления стариков, и мы все станем жить ещё лучше, чем прежде. Стране нужны перемены, как говорит Горбачев, ускорение, чтобы двигаться вперед, да и сам Горбачев начинал работать не в комсомоле, а на комбайне в колхозе и даже орденом был нба-

гражден за эту работу, – закончил Михаил, вспоминая, что он тоже, как и Горбачев, поступил в институт через комсомол.

– Брось ты о работе Меченого говорить, – возбудился Сергей, – знаем мы, как он орден получил: папа – председатель, похлопотал, чтобы сынку за месяц работы помощником комбайнера дали орден.

Он же со Ставрополя, здесь неподалеку, потому люди и знают этого Меченого, как пройдоху и подхалима и знают, как он лез наверх и как пролез к власти в Москве. Человек, который никогда не занимался реальным делом, не сможет, при всём своём желании, стать хорошим руководителем, потому что опыт работы на производстве нельзя заменить ничем: ни учебой, ни прилежанием.

Возьми, например, русских царей или зарубежных – ведь никчемные людишки, а отсутствие опыта заменяли самодурством или безумными идеями, как тот царь Петр I.

У нас, при Советской власти, только Ленин и Сталин справлялись с управлением государством, а после них, начиная с Хрущева, какие-то идиоты у власти: сплошные метания и шарханья в разные стороны, потому что не понимают они, что и как надо делать, чтобы жизнь людей налаживалась и государство крепло.

Вот и Меченый начал борьбу с алкоголем, а надо бы начать бороться с уравниловкой в оплате труда – я слесарь высшего разряда, но получаю зарплату немного выше, чем выпускник ПТУ, который ещё ничего не умеет. Надо платить за сделанное, а не за должность и стаж работы и без всяких ограничений в зарплате, тогда будет интерес сделать больше и лучше.

Старики говорят, что так было перед войной и сразу после войны, потом, при Хрущеве, стали платить за должность и корочки о квалификации, а если где и оставалась сделанная оплата, то если сделал много и хорошо, зарплата ограничивается, чтобы хороший работник не получал много больше, чем плохой и никудышный. Вот многие и стали работать спустя рукава.

Я тоже могу сделать, например, работу за день, но делаю три дня, потому что больше мне всё равно не заплатят. Нет, не понимает Меченый, проблем простых работяг, на которых и держится вся страна.

Убери половину начальников – никто и не заметит, а убери слесарей и токарей половину и страна остановится: ничего не будет, всё поломаётся. – так я думаю о нынешнем положении дел в стране, – закончил Сергей и, с расстройства от сказанного, налил себе ещё одну рюмку водки и выпил поморщившись: не то от водки, не то от сказанного.

Михаил хотел сказать Сергею, что и у них в науке, оплата идет тоже от должности и ученой степени и совсем не зависит от дела, но передумал: тогда придется объяснять чем и как он занимается и кому это его занятие нужно, а он и сам представлял это достаточно смутно, пребывая, однако, в полной уверенности нужности и необходимости своего дела.

На расспросы Сергея он давал уклончивые ответы о своей работе и семье, без подробностей, сказав, что женат и есть ребенок, но умолчал, что этот ребенок достался ему в приданое от жены – вернее, от её веселого времяпровождения до него.

И про квартиру он сказал, что получена от работы, не уточняя, что получена она была ещё его тестем, а от него досталась дочери, явившись, фактически, приданым, из-за которого он и женился на Сане. Когда, в разговоре, Михаил назвал имя своей жены, Сергей удивленно вскинул брови, но промолчал.

Потом начались воспоминания об их далеких уже школьных годах и, проговорив до позднего вечера, Михаил попрощался с одноклассником и пошел домой, чтобы никогда больше не посетить гостеприимного хозяина этой усадьбы, где мирно и ладно проживала обыкновенная семья.

Это было на закате советской эпохи, о котором ещё никто не знал, но мудрые сельские жители с тревогой наблюдали за первыми действиями нового руководителя страны – Мишки Меченого, оказавшегося, в итоге, полным негодяем и предателем этих простых людей.

Незаметно, отпуск подошел к концу и последний вечер перед отъездом Михаил провел вместе с матерью. Мать, наслушавшись его рассказов об успехах в Москве, смирилась со своим одиночеством, уже не надеясь пожить вместе с сыном, но желая ему хороших семейных отношений со снохой Саной, которую она так никогда и не увидит.

Может быть, надеялась она, появятся внуки, и когда подрастут немного, они будут приезжать к ней на лето в гости, освободив родителей от их важных дел московской жизни.

Насчет своих пожеланий о внуках она опасалась расстраивать сына, но сказала ему, что одной ей уже надоело сидеть дома и она, по-видимому, опять пойдет работать, чтобы быть при людях: вот если бы внук был, то она охотно посидела бы с ним, что в Москве, что здесь в поселке, добавила мать.

Михаил, сделав вид, что намека не понял, одобрил желание матери ещё немного поработать, а он потом, когда ещё больше укрепится в Москве, обязательно возьмёт мать к себе, в новую квартиру, которую он непременно получит, став настоящим ученым, когда сделает и защитит диссертацию.

Мать как бы поверила сыну и весь вечер они провели в разговорах, вспоминая отца и то время, когда Миша жил и учился здесь в поселке.

Утром мать проводила сына до автовокзала, он сел в автобус и отъезжая, видел фигурку матери, которая проводив сына и сразу сторбившись, смотрела вслед автобусу, увозившего её сына в большой город, где ей так и не нашлось места. Автобус, как оказалось, увозил Михаила на несколько лет, в течение которых он не нашел времени навестить мать, стремительно стареющую от одиночества.

XIV

Вернувшись в Москву, Михаил беззлобно поругался с Саной, которая всё же заставила его выполнить супружеские обязанности, что и было исполнено обоими без взаимного удовлетворения.

Выйдя на работу, Михаил узнал новость, которая ошеломила и обрадовала его: он был включен в состав делегации НИИ на поездку в США для изучения там опыта химизации сельского хозяйства. В такие поездки за границу, от института ездил обязательно директор, кто-нибудь из замов и парочка приближенных лиц.

Оказалось, что пока согласовывали сроки и цели поездки, замдиректора, планировавшийся в поездку, эмигрировал в Израиль, никого не предупредив. На вакантное место партком и профком рекомендовали его, Михаила, чтобы разбавить состав делегации этим обычным сотрудником и избежать упреков и критики от рядовых сотрудников в условиях начинающейся компании за гласность и открытость руководителей.

Михаил же, не будучи членом партии, охотно выполнял поручения парткома и был профсоюзным активистом, что и сыграло решающую роль в одобрении его кандидатуры. Поездка в США была чрезвычайным событием даже для маститых ученых, а такие как Михаил, и не мечтали об этом.

Возвратившись с работы домой, Михаил победно объявил Сане о своей поездке в Америку, на что Сана, почти равнодушно, сказала что давно знает об этом и Михаилу следует благодарить за это её отца, который выдвинул его кандидатуру и убедил руководство в правильности такого выбора. Вообще-то, должен был ехать её отец, добавила Сана, но руководство не осмелилось послать еврея в США, взамен еврея, уехавшего в Израиль.

Неважно, что и как делается – важен результат и Михаил стал деятельно готовиться к поездке в США, собирая всяческие справки и оформляя загранпаспорт, благо, что поездка планировалась только через три месяца на позднюю осень.

Михаил был однажды в командировке в Болгарии по служебному паспорту, но эта страна считалась почти в составе СССР и, по слухам, даже хотела вступить в СССР, но помешало отсутствие общей границы.

А здесь, поездка в самое логово империализма – в США, прикладывающих отчаянные усилия в борьбе с СССР везде, где это можно, по всему миру и разлагающим народ СССР передачами по радиоголосам, о чем Михаил читал, и слышал, и видел: из газет, радио и ТВ.

Инструктаж перед поездкой был многодневный и обширный, и Михаил чувствовал себя вполне подготовленным к любым неожиданностям и даже провокациям во время поездки в США в штат Айова.

Наконец все формальности были закончены, наступил день отъезда и Михаил с кожаным чемоданом, специально купленным для этой поездки, с загранпаспортом, вежливо простившись утром с Саной, отбыл в аэропорт Шереметьево, откуда их делегация улетала в город Нью – Йорк.

В аэропорту Михаил присоединился к другим членам делегации, в том числе из министерства сельского хозяйства и других НИИ: всего оказалось десять человек, страстно желающих изучить сельское хозяйство США и применение в нём химии, обеспечивающей небывалые для СССР урожаи.

Их четверка из НИИ держалась вместе и сплоченно вокруг директора, который отвечал за своих сотрудников. Совсем недавно случился скандал, когда артист балета Большого театра остался в США после гастролей и не вернулся в СССР, а потому, директор был особенно бдителен и осторожен.

Здесь, в аэропорту, Михаил, как и остальные, получил от руководителя делегации невероятную, по его понятиям, сумму командировочных денег в долларах США.

Они прошли регистрацию, таможную и в два часа пополудни, самолет Ил-62 взмыл в небо и понес Михаила в загадочную страну – Америку.

XV

В своей жизни, Михаил летал самолетом всего несколько раз, чувствовал себя в небе неуютно и опасно, а потому пытался задремать, откинувшись в кресле и напряженно прислушиваясь к мерному гулу двигателей, замирая, когда этот гул менялся и самолет делал какие-то непонятные ему покачивания и наклоны.

В тщетных попытках заснуть прошли все долгие часы полета с двумя обедами, которые он, к своему удивлению, съел охотно и без остатка. Надо сказать, что у него в чемодане, который он сдал в багаж, была прихвачена с собой кое-какая еда, а именно: два батона сухой колбасы, которую где-то раздобыла Сана по подсказке опытных в путешествиях за границы своих соплеменников, две баночки красной икры, две бутылки водки и две банки лососевых консервов. Всё это можно было выставить на стол, если будет приватная встреча с американцами или съесть самому, если такой встречи не будет.

Досмотр багажа тогда ещё не производилось, и везти в чемодане можно было что угодно: хоть пирожки с капустой, хоть какую-нибудь бомбу или бриллианты, если они были необходимы для целей поездки и задач командировки. У Михаила вместо бриллиантов была колбаса, которая потом весьма пригодилась для вечерних чаепитий в гостинице. Чаю он не взял, но была банка растворимого кофе и кипятильник – вечный спутник командированного советского человека.

Наконец, долгий и мучительный полет закончился посадкой самолета в Нью-Йоркском аэропорту. Михаил вместе со спутниками вышел на перрон и поразился громадности зданий аэропорта, множеству самолетов и людей, а когда они вошли внутрь аэровокзала, он был оглушен шумом и гамом напряженной аэропортовой суеты пассажиров. Пройдя длительную процедуру таможенных формальностей прибытия иностранцев из СССР в Америку, они сплоченной, но растерянной группой, вышли в зал прибытия, где их встретил представитель консульства,

который, как оказалось, будет сопровождать их всю поездку, вплоть до посадки в самолет до Москвы, потому что никаких турагентств, организовывающих поездки советских людей за границу, тогда не было.

Имелась одна государственная организация «Интурист», которая занималась экскурсионным сопровождением туристов из СССР и в СССР, но по служебным делам, особенно в капиталистические страны, советских людей обычно сопровождали сотрудники консульств, да и сами эти поездки были редки, особенно в Америку. Михаил не уставал удивляться: как это им, вернее его руководителям НИИ, удалось пробить командировку в США, якобы для изучения каких-то перспектив развития сельского хозяйства, а Америка согласилась их принять и что-то показать.

Он, конечно, и не догадывался, что планы уничтожения СССР уже вступили в завершающую стадию и поездки советских людей за границу били частью таких планов. У власти в СССР уже находился Горбачев, как оказалось, впоследствии, предатель и пустозвон, поставивший целью разрушение страны, и этому предателю нужна была поддержка людей.

Таковыми становились многие советские люди, побывавшие за границей в США и Европе, увидевшие фасад западной жизни – фасад яркий, красочный и привлекательный, и пожелавшие такого же устройства жизни в СССР, не разглядев, что за этим фасадом скрывается жестокая действительность несправедливой и морально убогой жизни для многих обитателей этих стран.

Так вот, многие советские люди, побывав за границей, становились поклонниками этих стран, вернее сказать, бытового устройства жизни обеспеченных людей в этих странах и, вернувшись домой, в СССР, они начинали пропагандировать зажиточность и комфорт жизни людей в этих странах, как они думали, всех, а от пропаганды до прямого предательства всего один шаг.

Именно такие люди и организовали поддержку Горбачеву в его разрушительной деятельности по развалу СССР, а потом и уничтожению советского устройства политической жизни общества.

И, чтобы таких, восторгающихся Западом, людей было больше, сразу после прихода Горбачева к власти, Америка и Европа широко открыли двери для поездок советских людей. Под эту кампанию открытости и попала поездка Михаила и других членов их группы в США.

В борьбе с врагом нет мелочей, и американцы в полной мере использовали поездки советских людей для формирования, впоследствии, из этих ренегатов сплоченной пятой колонны своих пособников для разрушения СССР.

Михаил, как и почти все советские люди, ничего не слышал о грядущем разрушении своей страны, в том числе и с его участием, поэтому с восхищением и интересом наблюдал за открывшейся перед ним незнакомой и малопонятной пока американской жизнью.

Кроме своей громадности, аэропорт поразил его яркой рекламой, которой были покрыты все сколь-нибудь пригодные места на стенах и крышах зданий и многочисленных щитах вдоль дорог.

Что и зачем рекламировалось, было непонятно, но привлекательно, в сравнении с унылым рабочим обликом международного аэропорта «Шереметьево», откуда он вылетал несколько часов назад.

У здания аэропорта их ждал небольшой автобус, на котором, как сказал сотрудник консульства, они прямо из аэропорта и не заезжая в Нью-Йорк отправятся к месту назначения в город Вустер, штата Огайо.

В автобусе уже находился представитель встречающей стороны из научного центра сельского хозяйства, расположенного в этом городе. Испытав некоторое разочарование от того, что не увидят Нью-Йорк, они погрузились в автобус, успокоившись обещанием сопровождающего из консульства, показать им город на обратном пути, когда у них будет целый свободный день.

За окнами автобуса замелькали городки, поля и леса, похожие на окрестности Киева, где Михаил бывал неоднократно в служебных командировках, но дома были добротнее, на первый взгляд, красочно раскрашенные, а дорога почти везде уставлена рекламными щитами вдоль обочин – вот и все отличия.

Автобус, мерно покачиваясь, мчался по широкому шоссе, изредка вздрагивая на неровностях: – Оказывается и здесь на дорогах случаются небольшие выбоины и шербоности, как и в Москве, – думал Михаил, сквозь одолевающую его дрему.

Солнце стояло высоко и в погоне за ним самолета прошло уже много часов: в Москве стояла глубокая ночь, а здесь день был в самом разгаре.

Задремав, как и его спутники, Михаил очнулся от толчка: автобус остановился у придорожного ресторана на фасаде которого виднелась надпись в виде округлой буквы «М» на красном фоне, а у входа стояла кукла в человеческий рост в одежде клоуна. Как объяснил сопровождающий, это был ресторан быстрого питания «Макдональдс», где они пообедают, а заодно и передохнут с дороги.

Все направились в этот ресторан, который внутри был устроен, как и московские столовые самообслуживания: набираешь себе на поднос понравившиеся блюда, заказывая их раздатчице, и расплачиваешься на кассе.

Они помялись, не зная цены блюд и не желая тратить свои командировочные доллары зря, но их сопровождающий, поговорив с представителем по-английски, которого, как оказалось, никто из членов их делегации не знал, сообщил, что обед оплатит встречающая сторона и можно, без опаски потратиться, выбирать любые блюда.

Действительно, выбрав блюда, у кассы их встретил представитель, по имени Уильям, который и оплатил обед за всех, но не деньгами, а сунув кассирше какой-то кусочек пластика, который оказался банковской картой, позволяющей, безналично, оплачивать любые покупки, пока на этой карте отмечено компьютером наличие денежных средств.

Подивившись американскому прогрессу, Михаил съел выбранный им обед, который оказался обильным, но удивительно невкусным и если бы не томатный соус, стоявший на всех столах, то эти блюда, наверное, вообще невозможно было есть.

Так, с оплаты обеда начался их мелкий подкуп американцами, что продолжалось вплоть до отъезда и позволило сохранить часть командировочных долларов на покупку подарков себе и родственникам.

Автобус двинулся дальше, и человек из консульства, по имени Сергей, сказал, что сопровождающий их американец Уильям, приставлен следить, чтобы они никуда не свернули с маршрута, потому что на пути много промышленных зон, закрытых для посещения иностранцами, особенно из СССР и связанных с ним стран.

Американцы, как и мы, во всех иностранцах видят шпионов и даже он, с дипломатическим паспортом, не может свободно ездить по Америке, а должен предварительно согласовывать маршрут поездки и, например, в штат Огайо ему бы разрешения на поездку не дали, поскольку там много военных баз и заводов.

К вечеру, автобус и его пассажиры прибыли в пункт назначения, которым оказался небольшой город. Михаил и другие члены делегации разместились в небольшой гостинице, где для них уже были забронированы номера, для каждого отдельно: оказалось, что здесь, в Америке, вообще не принято жить в гостинице вместе, кроме супружеских пар или с детьми.

Михаил бросил свой чемодан, принял душ после долгой дороги и, отказавшись от ужина в ресторане, куда всех пригласил Уильям, лёг спать: перелет и переезд заняли почти сутки и он, не умевший спать в самолете, очень измучился.

Проснулся Михаил утром от стука в дверь: сопровождающий Сергей, которому он открыл дверь, пригласил поторопиться на завтрак, после которого они поедут в Научный центр – цель их командировки.

Наскоро побрившись и умывшись, он присоединился к спутникам и вместе с ними прошел в ресторан, оказавшийся довольно большим залом, в центре которого на столах стояли лотки и подносы с едой: как объяснил директор НИИ, который неоднократно бывал в командировках за рубеж, эта система питания называется шведский стол – берешь тарелку и накладываешь, что тебе нравится и сколько хочешь, потому что завтрак оплачен вместе с гостиницей.

В зале уже ходили несколько человек с тарелками, выбирая кому, что нравится из имеющегося в судках, лотках и подносах ассортимента блюд, впрочем, не очень большого.

Михаил взял себе омлет, пару сосисок, хлеб, масло, сыр, кекс, стакан апельсинового сока, яблоко и кофе с молоком и уселся вместе со знакомым сотрудником их НИИ, которого, как и его самого, послали в эту поездку по ходатайству парткома, и приступил к завтраку по-американски.

Плотно позавтракав, они поднялись назад в номера, чтобы собраться вновь через полчаса у выхода из гостиницы – там их будет ждать автобус, чтобы отвезти в Научный центр, расположенный на окраине городка.

Собравшись вновь, члены делегации погрузились в автобус, ожидающий их у входа в гостиницу, и вместе с приставленным к ним американским сопровождающим и консульским работником поехали изучать американские достижения в области сельского хозяйства.

Исследовательский центр размещался в нескольких зданиях современного типа. Их провели в конференцзал, где появившийся заместитель директора Центра, в течение получаса рассказывал им о задачах и достижениях этого исследовательского центра.

Рассказ американца велся через переводчика Сергея и по содержанию напомнил Михаилу лекцию в планетарии, который он случайно посетил однажды: такой же общий разговор просветительского характера – интересно, но использовать и применять эти знания нельзя в силу их неконкретности и недостаточности для практического приложения.

Из лекции выяснилось, что данный американский Научный центр занимается вопросами сельского хозяйства, далекими от агрохимических задач НИИ Михаила и трёх его спутников – здесь работали над генной модификацией растений, а не разработке удобрений и защите растений от вредителей.

Таким образом, их командировка превращалась в бесполезную туристическую поездку за счет государства и виноваты в этом были те, кто выбирал цель и маршрут поездки – люди из министерства, может быть, даже двое их спутников из научно – технического управления министерства.

Эти люди спланировали поездку в США за государственный счет, возможно, выбрав место поездки по справочнику или рекомендациям консульства СССР в Нью-Йорке, которое ничего не понимая, предложило и согласовало с американцами эту поездку.

Поняв, что для дела здесь ничего полезного и интересного нет, Михаил и другие члены делегации их НИИ направили все свои усилия на изучение американского образа и уровня жизни, чему охотно способствовали и американцы, и сопровождающий их консульский работник по имени Сергей.

После лекции они посмотрели рекламный фильм об успехах американских коллег в повышении урожаев за счет применения модифицированных сельхоз культур, не боящихся вредителей, особенно помидор, которые Михаил в свежем виде не употреблял, по причине аллергии на них.

Затем, хозяйева встречи пригласили их на обед в институтском ресторане: этот ресторан напоминал столовую самообслуживания в их НИИ, с более широким, конечно, выбором блюд, но по существу оставаясь столовой. Так Михаил узнал, что в Америке любая забегаловка называется рестораном или, на худой конец, кафе.

Русское слово «столовая», то есть место где кормят, лучше отвечает назначению таких заведений, но для рекламы конечно не годится: в Америке, как позднее убедился Михаил, всё направлено на рекламу.

После обеда их провели галопом по лабораториям и отделам исследовательского центра, где работали более тысячи человек, из которых только пятая часть были исследователи и инженеры, а все остальные – это вспомогательный и обслуживающий персонал.

Научные отделы располагались в корпусах, внешне напоминающих складские помещения, внутри разгороженные стеклянными, прозрачными или матовыми, перегородками, так что из коридора были видны работающие сотрудники.

У многих из них на столах стояли телевизоры – как было подумал Михаил, но сопровождающий с гордостью сказал, что это вычислительные машины – компьютеры, которые помогают ученым вести расчеты, хранить данные и печатать результаты на бумаге.

В НИИ Михаила тоже была вычислительная машина, которая располагалась в большом зале и занимала, наверное, метров сто площади, а здесь, почти у каждого сотрудника, такая же по способностям и даже лучше, машина стояла на столе, для индивидуального пользования. Более того, эти машины были объединены в сеть и зная пароль, можно было посмотреть, что получил другой сотрудник, то есть обмениваться результатами, а руководителю контролировать деятельность подчиненных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.